
Патрульная академия ведьм.
18+

Нора Арт

Патрульная академия ведьм.

https://litres.ru/74476569
SelfPub; 2026

Аннотация

«Патрульная академия ведьм — место, где из таких, как Яна, делают защитниц мира между светом и тьмой. Здесь живут, учатся держать удар, доверять напарникам и не терять голову, когда всё идёт не по плану. А ещё здесь водятся говорящие коты, которые знают чуть больше, чем говорят.

Вместе с Мурлыкой — советчиком и главным ценителем колбасы — Яне предстоит пройти через экзамены, стычки с тёмными силами и мелкие, но очень обидные войны с соседками по академии. Тьма бывает настырной, но у Яны есть упрямство, чувство юмора и кот, который всегда подскажет, куда бежать или где лучше постоять и подождать.

«Патрульная академия ведьм» — это история о том, как обычная девушка находит своё место в мире, где магия прячется за повседневностью, а настоящая сила — в умении не сдаваться и вовремя делиться колбасой.»

Содержание

Дежавю. 4
Экзамен часть 1. 21
Экзамен Часть 2. 44
Экзамен Часть 3. 67
Конец ознакомительного фрагмента. 91

Патрульная академия ведьм.

Дежавю.

Данная книга содержит контент 18+ «Мир этой книги — вымышленная вселенная с собственной магией и законами. Описания ритуалов, заклинаний и магических практик не имеют отношения к реальным традициям и не предназначены для воспроизведения. Все персонажи и события — плод авторского воображения; любые совпадения с реальными лицами случайны.»

Будильник взвыл так, будто в нём заперли разъярённого домового. Яна подскочила, врезалась локтем в спинку кровати, схватилась за ушибленное место и рявкнула в пустоту комнаты:

— Твою кочерыжку! Я опаздываю на экзамен! Эту фразу Яна, услышала где-то и она прецепилась к ней.

Лето выдалось таким жарким, что спать приходилось вообще без ничего — даже простыня казалась лишней. Сейчас это сыграло против неё: пока она металась по комнате, пытаясь нащупать хоть что-то из одежды, в голове пульсировала только одна мысль: «Только бы успеть».

Футболка, с логотипом любимой рок группы, нашлась на спинке стула, шорты — почему-то на люстре (Яна не стала вспоминать, как они туда попали), носки обнаружились по одному: один под кроватью, второй подозрительно близко к двери, будто собирался сбежать.

— Ну давай, давай! — бормотала она, натягивая футболку задом наперёд, потом с рыком переворачивала её и снова дёргала на себя. — Сегодня нельзя быть несобранной. Сегодня вообще нельзя быть собой!

Родители давно уехали на работу: мама — в поликлинику, папа — на стройку. В их мире магия не существовала, и Яна давно научилась не упоминать о ней за завтраком. «Опять летала во сне?» — спрашивала мама, улыбаясь. «Ага, — кивала Яна. — Прямо над нашим двором». И никто не знал, что иногда эти сны были не совсем снами.

Она схватила рюкзак, который собирала ещё вчера (и в котором, как подозревала, теперь жили только скомканные бумажки и одинокий мандарин), и метнулась к кухне. На столе лежала записка от мамы: «Яна, не забудь бутерброд. И будь умницей. Мы тобой гордимся». Яна на секунду замерла, сжала записку в кулаке, потом сунула её в карман — как талисман.

Холодильник открыл свои ледяные объятия, и Яна выхватила бутерброд, даже не глядя, с чем он — главное, что есть. Откусила на ходу, схватила ключи, пнула дверь, чтобы закрылась, и выскочила на лестничную клетку.

И тут магия, которая обычно вела себя тихо и скромно, решила напомнить о себе.

На площадке перед домом стоял её старый велосипед — тот самый, который Яна упорно называла «надёжным», хотя все остальные шептали «аварийный». Она схватилась за руль, перекинула ногу через раму… и тут воздух вокруг неё чуть дрогнул, будто кто-то провёл невидимой рукой по поверхности мира.

Яна замерла.

Это было знакомое чувство — как будто внутри щёлкает тумблер: «Магия, ты мне сейчас нужна». Она не училась этому специально, не читала учебников. Просто иногда, в самые отчаянные моменты, её тело само знало, что делать.

— Ладно, — прошептала она, глядя на велосипед, будто он мог ей ответить. — Просто доедь. Пожалуйста. Не падай. Не ломайся. И не заставляй меня бежать.

И велосипед… послушался.

Не то чтобы он вдруг стал новым или блестящим. Нет. Но когда Яна нажала на педали, цепь не заскрежетала, колесо не зашаталось, а руль не попытался вырваться из рук. Вместо этого велосипед будто сам нашёл ритм, и Яна поехала по улице, мимо знакомых домов, мимо ларька с мороженым, мимо старушки, которая всегда смотрела на неё с подозрением (и, возможно, была ведьмой, но Яна не спрашивала).

Ветер трепал её тёмные волосы, зелёные глаза щурились от солнца, а в груди росло странное чувство — не просто па-

ника от опоздания, а предвкушение. Как будто сегодня действительно что-то должно было случиться.

Академия ведьм ждала.

Яна влетела в калитку, чуть не сорвав её с петель, и только тут вспомнила про велосипед.

— Ну ничего, — выдохнула она, хватая замок и цепляя его за ржавую перекладину у забора. — Ты тут постой, не разваливайся без меня.

Она бросила на него короткий виноватый взгляд — будто он мог обидеться — и снова рванула вперёд, к главному корпусу.

Со стороны ограды академия и правда выглядела как самое обычное здание: красный кирпич, ровные ряды окон, будто это какая-нибудь старая школа из соседнего района. Ничего волшебного, ничего особенного. Но стоило переступить порог ограды — и мир будто щёлкал переключателем.

Теперь перед Яной тянулись вверх несколько высоких башен, оплетённых плющом так густо, что местами зелёная стена казалась живой. Лианы будто шевелились на ветру, цепляясь за камень и пряча в себе крошечные светящиеся бутоны — то ли цветы, то ли крошечные фонарики. Между башнями раскинулись зелёные насаждения причудливых форм: кусты, подстриженные в виде волн, спиралей и даже силуэтов птиц, застывших в полёте. Воздух пах свежестью, мятой и чем-то сладковатым — будто кто-то только что испёк пирог с травами.

Яна замерла, запрокинув голову. Сердце, которое до этого колотилось где-то в горле от спешки, вдруг сделало странный, медленный удар — и на секунду всё вокруг стало таким красивым, что хотелось просто стоять и смотреть. Рассеянность, которая вечно подводила её в обычных делах, сейчас сыграла на руку: она вдруг заметила то, что другие, наверное, пропускали. Как свет ложится на кирпичи, как тени от плюща рисуют узоры на стенах, как в одном из окон мелькнуло что-то похожее на сову — или на тень совы.

Но любоваться долго не вышло.

— Эй, смотри, куда прёшь! — раздался резкий голос прямо перед ней.

Яна не успела даже сообразить, что происходит, как врезалась в кого-то твёрдого, тёплого и очень недовольного. От удара она попятилась, споткнулась о собственный рюкзак и чудом удержалась на ногах.

Перед ней стояли три девушки в форме академии: бордовые платья с золотой вышивкой, юбки чуть выше колена, белые гольфы и тёмная обувь. Форма выглядела строго, но не скучно — золото добавляло ей лёгкого шика, будто даже повседневная одежда здесь должна была напоминать: ты в месте, где магия — это профессия.

Блондинка Катя потёрла плечо и скривилась, будто врезаться в неё было личным оскорблением:

— Серьёзно? Ты вообще куда смотрела? Тут не трасса для гонок.

Русая Вера закатила глаза, но в её взгляде читалось скорее раздражение от всей ситуации, чем от самой Яны:

— Катя, ну хватит. Она же новенькая. Видно же, что растерялась.

А рыжая Жанна — та самая, что крикнула первой, — сделала шаг вперёд, скрестив руки на груди. В её позе было столько уверенности, что казалось, она не просто старшекурсница, а сама академия решила говорить её голосом.

— Новенькая, значит, — протянула Жанна, оглядывая Яну сверху вниз с таким видом, будто пыталась найти хоть одну причину не считать её достойной здесь находиться. — И сразу с размаху. У нас тут не спортзал, чтобы в людей врезаться. Ты вообще знаешь, куда бежишь? Или просто бежишь, потому что нравится?

Яна сглотнула, пытаясь собрать мысли в кучу. В голове всё ещё звенела красота башен, а теперь к ней добавился этот колючий взгляд и насмешливые нотки в голосе Жанны. Но где-то внутри, под слоем растерянности, шевельнулось знакомое упрямство — то самое, что не давало ей сдаваться, когда учителя говорили «у тебя не выйдет», а родители вздыхали: «Яна, ну сколько можно витать в облаках».

Она расправила плечи и посмотрела прямо на Жанну — не с вызовом, а с той спокойной твёрдостью, которая появляется, когда понимаешь: да, ты ошиблась, но это не делает тебя хуже.

— Знаю, — спокойно сказала Яна, чуть наклонив голову.

— На экзамен, в главный корпус. И да, я спешила. Но если ты так любишь порядок, могла бы и отойти в сторону, а не стоять посреди дороги, будто памятник себе ставишь.

Катя ахнула, будто услышала что-то немыслимое, и тут же прикрыла рот ладонью, чтобы не рассмеяться. Вера едва заметно дёрнула уголком губ, но тут же сделала вид, что просто почесала щёку.

Жанна на секунду потеряла свой безупречный вид — её брови взлетели вверх, а в глазах мелькнуло что-то вроде уважения пополам с раздражением.

— Ого, — медленно произнесла она, чуть наклоняя голову. — А у новенькой есть зубки.

— Не зубки, — спокойно ответила Яна, поправляя лямки рюкзака. — Просто я не люблю, когда со мной разговаривают так, будто меня тут быть не должно. Я пришла сдавать экзамен. И я его сдам.

Наступила короткая пауза. Даже воздух, казалось, замер между ними, прислушиваясь.

Потом Жанна вдруг усмехнулась — не зло, а скорее оценивающе.

— Ладно, — сказала она, опуская руки и чуть отступая в сторону. — Пусть будет так. Ты на экзамен, мы по своим делам. Только… — она сделала паузу, будто сама не хотела признавать, что собирается дать совет, — постарайся больше никого не сбивать. Тут и без этого нервов хватает.

Вера мягко кивнула, словно подтверждая: «она права, но

без злобы».

Катя, не выдержав, всё-таки хихикнула:

— Да уж. Если ты так входишь в двери, представляю, что будет на полосе препятствий.

Яна на секунду задержала дыхание, а потом тоже улыбнулась — лёгкой, чуть кривой улыбкой, в которой было и облегчение, и крошечная гордость за себя.

— На полосе я буду смотреть под ноги, обещаю, — сказала она. — Но если вдруг понадобится кто-то, кто умеет влетать в проблемы с двух ног — я тут.

Жанна фыркнула, но в этом звуке уже не было прежней колючести.

— Надеюсь, не понадобится, — буркнула она, но уголки её губ дрогнули. — Ладно, идём. А то опоздаем, и куратор опять будет читать лекцию про дисциплину.

И они пошли дальше, оставив Яну стоять посреди двора, где воздух всё ещё пах травами, а башни тянулись вверх, будто шептали: «Ну, вот и первое испытание пройдено. Дальше будет интереснее».

Яна глубоко вдохнула, стряхнула с себя остатки растерянности и пошла к арке. Теперь уже не бегом, а шагом — так, чтобы видеть всё вокруг и не врезаться ни в кого. Но в груди тихо, радостно трепетало: она не прогнулась. Она ответила. И, кажется, даже заслужила что-то вроде уважения.

Яна шагнула под свод арки — и мир вокруг тут же пере-

строился.

Только что перед ней был просторный двор с узорчатой брусчаткой и лестницей к главному корпусу, а теперь со всех сторон высились глухие стены из тёмносерого камня, покрытые тонкими светящимися прожилками — будто по ним бежали крошечные молнии. И эти стены… двигались. Не рывками, а плавно, как тяжёлые шторы, которые ктото неспешно сдвигает. С каждым шагом проходы меняли очертания, новые коридоры вырастали там, где только что была тупиковая ниша, а знакомые повороты бесследно исчезали.

Яна замерла, пытаясь унять дрожь в пальцах. Вернуться назад? Она резко обернулась, и сердце ухнуло кудато вниз: арки, через которую она только что прошла, больше не было. На её месте тянулся длинный, пустой коридор, уходящий в полумрак.

— Ну отлично, — прошептала Яна, прижимая рюкзак к себе, будто он мог её защитить. — Просто чудесно.

В голове заметались мысли, сталкиваясь друг с другом: «Это часть экзамена? Или я сама всё испортила? Может, просто стою и моргаю, а когда открою глаза — всё будет как раньше?» Но стены продолжали тихо перестраиваться, и от этого становилось только страшнее.

И тут память, обычно такая рассеянная, вдруг вытащила из закромов ровно то, что нужно. Лето на даче у бабушки, пахнущая смолой щепа, отец, который смеётся и чертит на земле схему: «Смотри, Янка, если лабиринт обычный, мож-

но держаться одной стороны — левой или правой. Так точно выйдешь».

— Только вот какой? — пробормотала Яна, кусая губу. — Левой… или правой?

Она стояла, лихорадочно пытаясь вспомнить, но в голове крутились только обрывки: «всегда левой», «нет, лучше правой», «главное — не паниковать». Сомнение сковывало, как ледяная вода.

Тогда она вспомнила ещё коечто — алгоритм ЛюкаТремо, о котором читала в старой книжке про лабиринты. Суть была простой: оставлять метки на поворотах, куда уже ходила, и каждый раз выбирать те проходы, где меток нет. Лабиринт менялся, но не полностью: стены сдвигались, а вот мелкие детали — царапины, сколы, выступы — оставались на месте. Значит, и её метки должны были держаться.

Не раздумывая больше, Яна достала из кармана маленький мелок — он там оказался почти случайно, она прихватила его утром, чтобы подписать коробку с обедом, а потом забыла выложить. Дрожащими пальцами она черкнула на ближайшем выступе неровную линию, потом ещё одну на углу, где коридор разветвлялся.

— Ладно, — выдохнула она, будто убеждая не лабиринт, а себя. — Поехали. Туда, где меток нет.

Она шла, оставляя за собой цепочку коротких штрихов, иногда останавливаясь, чтобы прислушаться к тихому шороху сдвигающихся стен, и снова шагала вперёд. Каждый раз,

когда путь преграждал новый тупик, она возвращалась по своим меткам, искала следующий свободный проход и двигалась дальше.

Постепенно паника начала отступать, уступая место странному, почти азартному чувству: она справлялась. Лабиринт пытался её запутать, но она не сдавалась.

Уже ближе к выходу — если это вообще был выход, а не очередная ловушка, — Яна замерла. В узком проходе, где стены почти смыкались над головой, сидел полосатый кот. Он выглядел так, будто ему здесь самое место: шерсть переливалась серыми и рыжими полосами, усы подрагивали, а на морде застыла широкая, почти человеческая улыбка.

Кот наклонил голову, посмотрел на Яну одним янтарным глазом, будто оценивал, достойна ли она пройти дальше, и тихо муркнул — так, словно знал все её секреты и находил их ужасно забавными.

Яна уставилась на него, забыв даже дышать.

— Ты… настоящий? — спросила она шёпотом.

Кот не ответил. Вместо этого он лениво махнул хвостом, развернулся и неторопливо пошёл вперёд — туда, где между стенами мелькнул кусочек светлого неба.

Яна глубоко вдохнула, сжала мелок в кулаке и шагнула следом.

Яна шла за полосатым котом, почти не дыша, будто боялась спугнуть эту странную, но такую нужную удачу. Он сту-

пал так уверенно, будто сам был частью лабиринта — и знал все его секреты. Каждый раз, когда стены начинали сдвигаться, кот чуть поворачивал голову, словно прислушивался к самому воздуху, и уверенно сворачивал туда, где проход ещё не успел закрыться.

И вот наконец впереди мелькнуло светлое пятно — не просто просвет, а настоящий выход: арка, обрамлённая резными каменными листьями, за которой виднелось небо, яркое и чистое, как после грозы. Яна едва не всхлипнула от облегчения.

Она шагнула наружу, глубоко втянула воздух — и только тут вспомнила про кота. Обернулась, улыбаясь уже не от страха, а от радости:

— Эх, — выдохнула она, оглядываясь по сторонам, будто надеялась найти хоть кусочек печенья в кармане. — Жаль, мне нечем тебя угостить за моё спасение.

Кот сидел, чуть наклонив голову, и улыбался своей невозможной, широкой кошачьей улыбкой.

— Как-нибудь сочтёмся, — промурлыкал он вдруг человеческим голосом, спокойно и будто даже немного лениво.

Яна замерла. Моргнула. Потом ещё раз.

— Тут ещё и коты говорящие… или я совсем кукухой поехала? — пробормотала она, сама себе не веря.

— Никуда ты не поехала, — снова замурлыкал кот, чуть растягивая каждое слово, будто смаковал их, как сливки. — Коты действительно говорят. Было бы с кем.

Он неторопливо принялся вылизывать свои лапы, будто ничего необычного и не происходило.

— А как тебя звать-то, спаситель? — тихо спросила Яна, всё ещё не решаясь поверить, что это не сон.

Кот на секунду отвлёкся от своего важного занятия, приподнялся и гордо запрокинул голову.

— Меня не зовут, — произнёс он с достоинством. — Обычно я сам прихожу. А величают меня Мурлыкой.

Яна хотела ещё что-то спросить — может, про лабиринт, про академию, про то, почему именно ей достался такой проводник, — но Мурлыка только махнул хвостом:

— Вот только не говори, что сейчас ты начнёшь исчезать, и от тебя останется только улыбка.

— Нет, что ты, — хмыкнул Мурлыка. — Исчезать — это прерогатива моего двоюродного дяди. А тебе, Яна, уже давно пора на экзамен, а не с котами болтать. Проснись! — резко, почти командным тоном произнёс он.

И Яна… вскочила.

Резко, так, что голова чуть закружилась. Она озиралась по сторонам, пытаясь понять, где она. Перед глазами мелькали знакомые вещи: её стол, стопка тетрадей, постер с созвездиями, старый плед, сползший на пол. Даже старые кроссовки, которые она вечно забывала убрать под шкаф, стояли на своём месте — чуть криво, но родные и привычные.

Это была её комната. Её вещи. Её жизнь.

А потом будильник зазвенел снова — тот самый, что уже

выводил её из себя сегодня, громкий, настойчивый, совершенно не волшебный.

Яна уставилась на него, тяжело дыша, будто только что действительно пробежала через лабиринт. Рука сама потянулась и шлёпнула по кнопке, обрывая этот противный звон.

Тишина накрыла комнату, густая и немного нереальная. Яна медленно опустила руку, посмотрела на свои пальцы — на них всё ещё будто чувствовались крошки мела. Или ей только казалось.

— Сон, — прошептала она, проводя ладонью по лицу. — Просто сон.

Но где-то в груди всё ещё трепетало то самое чувство — будто что-то важное только что случилось. И будто кто-то невидимый тихо усмехнулся где-то совсем рядом: «Как-нибудь сочтёмся».

Яна собиралась чуть спокойнее — будильник сработал вовремя, и даже утро будто решило не устраивать ей марафон. Одежда легла на место без суеты, бутерброд, заботливо оставленный мамой, отправился в рюкзак. Всё шло ровно, привычно… и всё же где-то на краю сознания тихо звенела фраза Мурлыки: «Как-нибудь сочтёмся».

Яна замерла у холодильника, взгляд сам собой упал на батон колбасы на нижней полке. Не раздумывая, она отрезала несколько толстых кружочков, бережно завернула их в пергаментную бумагу и убрала в рюкзак. Потом слегка похло-

пала по нему рукой — в том самом месте, где теперь лежало угощение.

И дальше всё пошло… как в дежавю. Каждый шаг, каждое движение будто повторяло тот самый сон: дверь, лестница, улица, знакомый поворот, забор, велосипед. Даже старушка у ларька посмотрела на Яну с тем же подозрительным прищуром, будто знала что-то, чего не знала сама Яна.

Мозг лихорадочно щёлкал шестерёнками: совпадение или нет? Может, она просто запомнила дорогу так чётко, что теперь повторяет её машинально? Или мир действительно подкидывал ей одни и те же сцены, проверяя, заметит ли она разницу?

У академии Яна снова замерла, залюбовавшись башнями, плющом и причудливо подстриженными кустами. Красота снова сбила её с ритма — и в следующую секунду она опять врезалась в ту самую троицу у входа.

Девушки снова её встретили, снова чуть нахмурились, снова кивнули в сторону арки: мол, туда тебе надо, новенькая. И Яна пошла. Но на этот раз прямо перед аркой, преграждая путь, лениво развалился полосатый кот.

Он приподнял голову, лениво махнул хвостом, будто проверял: «Ну, что будешь делать?» Яна хотела было просто перешагнуть, но кот вдруг сел, выпрямился и посмотрел на неё так, что шаг застрял где-то в воздухе. Она отступила на шаг назад, чувствуя, как внутри всё замирает в странном, тёплом узнавании.

Позади неё три пары глаз наблюдали за этой сценой.— Я же говорила, — прошептала одна из девушек чуть слышно, — она не простая студентка.Вторая метнула на неё такой взгляд, что та тут же стушевалась и замолчала.— Ну что же ты встала, — причитала третья, чуть нервно скрещивая пальцы, будто этим можно было подстегнуть удачу, — давай, заходи!

Они смотрели пристально, напряжённо, будто от того, сделает ли Яна этот шаг, зависело что-то важное. Но они не видели кота. Вообще не замечали его, будто он был частью академии — такой же привычной, как плющ на стенах или узор на брусчатке.

Яна присела на корточки рядом с Мурлыкой, достала из рюкзака свёрток, развернула пергамент и положила кусочки колбасы прямо перед ним.— Вот, — тихо сказала она, будто оправдываясь перед кем-то невидимым, — я же обещала.

— Молодец, не забыла, в этот раз, — промурлыкал кот, склоняясь к угощению и довольно принюхиваясь.

Яна потянулась, чтобы погладить его, и он, не отрываясь от трапезы, подставил мордочку. Она почесала его за ушком — кот заурчал, ровно и мощно, как хорошо смазанный мотор, и на секунду весь мир будто стал чуть добрее.

— Передавай привет дяде! — вдруг крикнула Яна, уже разворачиваясь и шагая прочь от арки, в сторону, куда раньше и не думала идти.

Мурлыка только махнул хвостом, не отвлекаясь от колба-

сы.

Экзамен часть 1.

Яна потянула за тяжёлую ручку и шагнула в аудиторию — и будто попала в другой мир. Не такой, как на картинках в интернете, не такой, как в мечтах. Тут пахло старой древесиной, чернилами и чем-то терпким, будто в воздухе витал сам дух испытаний.

Преподаватель и все девушки, уже рассевшиеся по местам, разом повернулись к двери. Яна на секунду застыла, чувствуя, как щёки предательски горят, а в груди колотится сердце — громко, как будто его слышно на весь зал.

— А, вот и наш последний кандидат, — спокойно, но так, что тишина стала ещё гуще, произнесла преподавательница.

Это была женщина в строгом брючном костюме пурпурного цвета, с изумрудными пуговицами, будто специально подобранными, чтобы оттенять её серые глаза. Рыжие волосы были собраны в аккуратный пучок на затылке, и из него выглядывала золотая шпилька — в виде змеи, изогнувшейся так, будто вот-вот скользнёт вниз. Очки в тонкой оправе сидели ровно, подчёркивая внимательный, чуть колючий взгляд.

— Серова, пошевеливайся, — строгим тоном произнесла она, обращаясь к Яне. — И не смотри на меня такими глазами. Я знаю вас всех, сама отбирала кандидаток. Проходи и садись.

Яна сглотнула, кивнула так энергично, будто этим можно было доказать, что она точно достойна здесь быть, и быстро скользнула на свободное место у окна. Рюкзак она поставила к ногам, а руку на всякий случай положила сверху — будто он мог сбежать от волнения.

— И так, — преподавательница хлопнула в ладоши, и звук отозвался в комнате, как лёгкий раскат грома. — Раз все уже здесь, мы можем приступить к самому важному.

И тут случилось то, от чего у всех в аудитории одновременно перехватило дыхание: на столах перед каждой девушкой появились белые листы бумаги и чернильницы с гусиными перьями. Тяжёлые, тёмные, с витой металлической окантовкой. Перья выглядели старинными, будто их достали из сундука, который не открывали лет сто.

Аудитория загудела, зашелестела, зашепталась.

— Мы что, в древности?! — не выдержала одна девушка, нервно постукивая пальцами по столу.— Зачем, если есть планшет?! — вторила ей другая, с таким видом, будто её лишили самого главного инструмента выживания.— И как этим пользоваться?! — тихо, почти жалобно прошептала третья, осторожно трогая перо кончиком пальца, будто оно могло её укусить.

Преподаватель спокойно оглядела аудиторию, словно не слышала этого шума — или слышала, но знала, что он скоро стихнет. Её взгляд скользил по лицам, задерживаясь на каждом ровно настолько, чтобы каждая почувствовала: её видят.

По-настоящему.

— Для начала, — произнесла она ровным, уверенным голосом, в котором не было ни крика, ни раздражения, только спокойная сила, — давайте познакомимся. Вернее, вы немного узнаете обо мне. Вас всех, как я уже сказала, я хорошо знаю.

Она двигалась медленно, но уверенно — не расхаживала по аудитории, а именно шла, как человек, который точно знает, куда и зачем. Голос звучал ровно, без лишних эмоций, но от этого становился только весомее.

— Меня зовут Аглая Михайловна, — продолжила она. — Я в стенах этой академии уже очень давно. Я буду, для тех, конечно, кто сдаст экзамен, преподавателем магических искусств. Тех, кто не сдаст… — она выдержала паузу, пока шёпот в комнате не стих, пока не стало слышно, как кто-то нервно сглотнул, — тех, кто не сдаст, ждут серые будни. Работа, дом, семья, и так по кругу.

Девушки замерли, будто кто-то выключил звук. Даже самые разговорчивые теперь смотрели на Аглаю Михайловну широко раскрытыми глазами.

— Тем же, кому посчастливится набрать нужное количество баллов, — продолжала преподавательница, и в её голосе вдруг зазвучало то самое вдохновение, от которого по коже бежали мурашки, — тем откроется большой мир магии. Вы будете патрулировать границы, защищать людей, о которых они сами не знают, что нуждаются в защите. Вы будете сто-

ять между светом и тьмой — и иногда тьма будет казаться такой плотной, что вы не будете видеть собственных рук. Но вы будете знать: вы не одни.

Она остановилась у кафедры, положила на неё ладонь — так, будто опиралась не на дерево, а на саму историю этого места.

— Магия — это не только заклинания и вспышки света, — сказала она чуть тише, но так, что каждое слово долетело до каждого угла комнаты. — Это ответственность. Это умение держать слово. Это способность не опустить руки, когда все вокруг уже сдались. И да, это гусиные перья и чернила, потому что магия любит, когда её уважают. А уважение начинается с малого — с того, чтобы научиться писать так, чтобы каждое слово имело вес.

В аудитории повисла тишина. Не напряжённая, не давящая — а такая, в которой слышно, как рождается что-то важное. Даже те, кто минуту назад фыркал на перья, теперь смотрели на них с новым интересом — будто видели впервые.

Аглая Михайловна чуть наклонила голову, словно прислушиваясь к этой тишине, а потом снова хлопнула в ладоши — на этот раз мягче.

— Ну что ж, — сказала она, и уголки её губ едва заметно дрогнули, будто она знала что-то, чего не знали они. — Время не ждёт. Возьмите перья. На листах перед вами — не просто бумага. Это первый шаг. Напишите на нём одно слово.

Только одно. То, ради чего вы здесь. Не ради любопытства. Не потому что так надо. А ради чего-то настоящего. Того, что заставляет вас просыпаться по утрам и идти вперёд, даже когда страшно.

Яна медленно потянулась к перу. Оно оказалось тяжелее, чем она думала. Холодный металл, гладкая древесина, острый кончик — всё это будто напоминало: «Ты здесь не просто так».

Она обмакнула перо в чернила — оно тихо щёлкнуло, впитывая тёмную жидкость. На белом листе осталось крошечное пятнышко, похожее на каплю ночи.

«Ради чего я здесь?» — пронеслось в голове. Не ради оценок. Не ради того, чтобы доказать кому-то, что она чего-то стоит.

Яна глубоко вдохнула и вывела на бумаге одно слово — ровное, уверенное, такое, что даже перо будто согласилось с ним:

«Свобода».

Потому что магия для неё всегда была про свободу — быть собой, не прятать то, что внутри, не бояться, что кто-то скажет: «Так не бывает». И ещё — про свободу помогать тем, кто в этом нуждается, даже если никто не узнает.

Аглая Михайловна медленно шла между рядами, глядя на листы, читая эти одинокие слова. Когда она остановилась возле Яны, её взгляд задержался на этом слове чуть дольше, чем на остальных.

— Хорошо, — тихо сказала она, почти одними губами, так, что услышала только Яна. — Очень хорошо.

И пошла дальше, оставляя за собой тишину, в которой теперь звучало не сомнение, а ожидание — такое, от которого мурашки бегут по спине, но уже не от страха, а от предвкушения.

Аглая Михайловна вернулась за кафедру, медленно, будто давая каждой секунде вес. Ещё раз оглядела девушек — не спеша, внимательно, так, что казалось, она считывает не только лица, но и мысли, прячущиеся за ними.

И щёлкнула пальцами.

Звук вышел звонким, резким, как щелчок хлыста, только без злости — скорее как команда миру: «Слушай сюда». Вибрация прошла по комнате не рывком, а медленной, густой волной — будто воздух на мгновение стал плотным, как желе.

Слова, которые девушки только что вывели на листах дрожащими от волнения руками, вдруг ожили. Они изогнулись, словно потянулись к свету, и стали отрываться от бумаги — сначала неуверенно, по одной букве, а потом целыми строками, взмывая к высокому потолку, где терялись в полумраке под балками.

По второму щелчку слова вспыхнули, как фейерверки в миниатюре. Одни — тусклые, едва заметные, рассыпались почти беззвучно. Другие — яркие, сочные, полыхающие оттенками синего и золотого — разлетались на сотни крошеч-

ных звёздочек, кружась в воздухе, прежде чем осыпаться вниз. И там, на белых листах, вместо слов проступали цифры — ровные, чёрные, будто выведенные невидимой рукой.

Яна опустила взгляд. На её листе красовалась тройка. Она скосила глаза на соседку — у той было шесть. В груди ёкнуло: не ноль, не десять… тройка. Что это значит?

По аудитории снова покатился ропот — на этот раз не удивлённый, а расстроенный, тревожный. Девушки переглядывались, шептали, показывали друг другу листы, сравнивали цифры, будто пытались разгадать шифр. Кто-то тихо выругался, кто-то нервно хихикнул, будто смех мог прогнать напряжение.

— Эти цифры, — снова раздался спокойный голос Аглаи Михайловны, перекрывая шёпот без крика, просто силой уверенности, — не оценки за слово.

Она сделала паузу, давая этим словам осесть, проникнуть под кожу.

— Это ваш номер. И номер вашей напарницы для следующей части экзамена.

Тишина обрушилась на аудиторию, как тяжёлое одеяло. А потом взгляды всех девушек забегали по комнате, лихорадочно выискивая, у кого же такие же цифры. Кто-то радостно кивал соседке, будто уже чувствовал поддержку. Кто-то застывал, не зная, радоваться или бояться.

Те, у кого цифры оказались ближе к десяти, чуть приуныли — будто уже чувствовали, что им достанется самое слож-

ное. А девушки с низкими цифрами, ближе к единице, наоборот, встрепенулись, расправили плечи: не всё ещё потеряно.

Яна сидела, сжимая пальцами край парты. Тройка. Кто-то там, в этом зале, тоже с тройкой. Её напарница. Та, с кем придётся делить испытание, доверять спину, возможно, спорить до хрипоты и всё равно прикрывать друг друга.

Аглая Михайловна снова хлопнула в ладоши — на этот раз мягко, почти буднично, будто возвращала комнату в обычный ритм.

— Те, у кого тройки, поднимите руки, — сказала она ровным голосом.

Яна подняла руку. Не сразу — на секунду задержалась, будто проверяя, не исчезнет ли цифра, если она пошевелится. Но тройка осталась. Рядом, через два ряда, подняла руку ещё одна девушка — высокая, с тёмными волосами, собранными в тугой хвост, и взглядом, в котором читалось: «Я готова. Пусть только попробуют дать мне что-то невыполнимое».

Аглая Михайловна кивнула, будто отметила про себя эту готовность.

— Отлично. Вы двое — пара. Сейчас выйдете в коридор, там вас встретит ассистент и даст задание для второго этапа. Остальные пока посидят, подумают, как работает магия доверия — потому что без него в патруле не выжить.

Яна встала, чувствуя, как дрожат колени, но стараясь не показывать этого. Сумка скользнула с плеча, она подхватила её, бросила короткий взгляд на лист с цифрой — будто он мог ей ещё что-то подсказать.

Темноволосая девушка, чуть смуглая кожа, карие глаза, одетая в синие джинсы и худи серого цвета с капюшоном, на ногах белые кеды, подошла к ней, не улыбаясь, но и не хмурясь — просто с тем спокойным ожиданием, с каким смотрят на следующий шаг.

— Я Кира, — коротко сказала она, чуть наклонив голову.

— Яна, — ответила Яна, и в этом простом обмене именами вдруг стало чуть легче. Не одна.

Они вышли в коридор, и тяжёлые двери аудитории закрылись за ними, отсекая ропот, шёпот и напряжение зала. В коридоре пахло воском и старой пылью, а впереди уже ждала ассистентка — в такой же строгой форме, только без золотых деталей.

— Следуйте за мной, — тихо сказала она, не глядя на них слишком пристально, будто знала: сейчас любое лишнее слово может сбить.

Яна шла, стараясь выровнять дыхание. Рядом шагала Кира — ровно, уверенно, будто привыкла не ждать, а действовать.

«Тройка, — пронеслось в голове у Яны. — Не единица, не десять. Просто шаг. Один из многих».

И вдруг, совсем тихо, так, будто это было не в голове, а

где-то рядом, прозвучал знакомый мурлыкающий голос:

«Ну что, справилась? А теперь держись крепче. Дальше будет не про слова. Дальше будет про то, кто ты есть на самом деле».

Яна чуть улыбнулась, сама себе не веря, что может улыбаться в этот момент. И пошла вперёд — рядом с Кирой, навстречу следующему этапу.

Ассистентка провела Яну и Киру по длинному коридору с высокими арками — каждая была словно ворота в другой мир: своды уходили вверх, теряясь в полумраке, а по бокам тянулись узкие витражные окна, бросая на пол цветные полосы света. Шаги звучали гулко, будто стены запоминали каждый из них.

— Чуть позднее к вам присоединится третья девушка, — спокойно произнесла ассистентка, не замедляя шага. — Она на курс старше вас и у неё чуть больше опыта. Но в зачёте пойдут только ваши действия, не её. Подсказать она может, но помощь с её стороны недоступна.

Яна и Кира переглянулись, но промолчали. В этом «недоступна помощь» слышалось что-то важное — будто экзамен проверял не только магию, а умение держаться на своих ногах.

Коридор вывел их в библиотеку — огромную, пахнущую старой бумагой, воском и чуть-чуть пылью, которую никто не решался трогать, будто она была частью истории. Резные полки с книгами тянулись до самого потолка, и казалось, что,

если потянуться, можно достать до облаков. А своды потолка подпирали две массивные обнажённые мужские фигуры, вырезанные из красного дерева: атлетичные, с напряжёнными мышцами, будто застывшие в шаге перед прыжком. Причинное место каждого прикрывал лишь скромный фиговый лист.

Кира присвистнула едва слышно:— Вот это мужчины… Вот бы такого встретить.

Яна хмыкнула, но не смогла сдержать улыбку — в этом было что-то нелепое и в то же время завораживающее.

Ассистентка шикнула на Киру строго, но без злобы — так, как шикают на ребёнка, который слишком громко радуется конфетке.

— Тише. Здесь даже шёпот имеет вес.

Кира притихла, но всё ещё косилась на статуи, будто боялась, что они обидятся, если она перестанет на них смотреть. А когда ассистентка, бросив напоследок короткий взгляд, оставила их одних и ушла, Кира не выдержала. Она подошла к одной из фигур, вытянула руку, чуть наклонилась, пытаясь повторить её позу.

— Блин, это же неудобно, — бурчала она, переминаясь с ноги на ногу. — Как он вообще так стоит?

Яна подошла ближе, разглядывая резьбу: линии были чёткими, почти живыми, будто мастер вырезал не дерево, а саму силу.

— Что ты там пытаешься разглядеть? — прозвучал голос

откуда-то из дальнего тёмного угла библиотеки — негромкий, но уверенный, с лёгкой насмешливой интонацией.

Яна вздрогнула и стала всматриваться в полумрак, пытаясь понять, откуда пришёл звук. Кира замерла, позабыв про статую, и тоже уставилась в темноту.

Спустя мгновение из тени вышла девушка. На ней была та же форма, что и у тех троих, с которыми Яна столкнулась у входа в академию — бордовое платье с золотой вышивкой, белые гольфы, тёмная обувь. Но выглядела она так, будто сама решила, какой будет эта форма: кудрявые волосы до плеч отливали фиолетовым, а спереди ярко выделялась розовая прядь, будто вспышка. Черты лица были острыми, выразительными, а на губах — чёрная помада, подчёркивающая дерзкую улыбку.

— Они как будто специально поставили их тут, — продолжила она, приближаясь к девушкам, и махнула рукой в сторону статуй. — Чтобы мы каждый раз вспоминали, что идеальных поз не бывает.

Она остановилась в шаге от них, чуть склонила голову, будто оценивая, с кем ей предстоит иметь дело, и протянула руку:

— Забыла представиться. Я Рина. Похоже, нам предстоит много времени проводить вместе, так что ещё налюбуетесь этими красавцами.

Затем она наклонилась ближе и заговорщически прошептала, хотя в библиотеке и так никого не было:

— Но смотрите, чтобы вас не застукали. Тут любят делать выводы по тому, на что ты смотришь… и как долго.

Кира хихикнула, но тут же сделала серьёзное лицо — будто пыталась доказать, что она здесь не ради статуй, а ради магии. Яна же смотрела на Рину и чувствовала, как напряжение, сковывавшее плечи с самого экзамена, чуть отпускает. Не потому что стало легче, а потому что рядом появился кто-то, кто не боится говорить прямо.

Рина оглядела их обеих, будто складывая в голове пазл, и чуть прищурилась:

— Ну что, тройка. Давайте посмотрим, что вы умеете. Или начнём с того, что умеете не делать? Например, не падать в обморок от вида старых книг?

Яна невольно улыбнулась. И вдруг в голове тихо, как эхо, прозвучал знакомый мурлыкающий голос: «Ну вот, теперь вас трое. Главное, чтобы не начали спорить, кто главный. Хотя… спор иногда тоже магия».

— Мы не упадём, — твёрдо сказала Яна, чуть приподняв подбородок. — И спорить не будем. По крайней мере, пока не поймём, что от нас хотят.

Рина хмыкнула, будто оценила ответ, и кивнула в сторону дальнего стеллажа, где между полками мерцал слабый свет — будто кто-то оставил там огонёк, чтобы его нашли.

— Тогда идём. Там лежит ваше задание. И да, — она чуть замедлила шаг, оборачиваясь, — если увидите что-то странное — не пугайтесь. В этой библиотеке странное — это нор-

ма.

И они пошли вперёд: Яна, стараясь не выдать, как сильно колотится сердце; Кира, уже придумывающая, как пошутить, чтобы снять напряжение; и Рина, которая, казалось, знала этот путь наизусть — и всё равно шла так, будто каждый шаг был для неё новым.

Чем дальше они заходили в глубь библиотеки, тем сильнее казалось, что само пространство играет с ними. Стены будто отодвигались, растворяясь в полумраке, а на их месте, словно вырастая из тишины, появлялись новые стеллажи — высокие, резные, до самого потолка. Полки мгновенно заполнялись книгами: корешки ложились ровно, будто их расставляла невидимая рука, и на каждом вспыхивали тонкие золотые буквы, тут же гаснувшие, как только взгляд скользил дальше.

Яна и Кира замерли, обернувшись на Рину. В их глазах читалось одинаковое: «Это вообще реально?»

— Я же говорю, тут всё не то, чем кажется, — спокойно произнесла Рина, проходя между ними и уверенно шагая вперёд, будто знала: чем больше они сомневаются, тем охотнее библиотека прячет правду.

Стеллажи всё появлялись и появлялись, образуя новые ряды, коридоры и тупики, которые через мгновение снова становились проходами. Лабиринт из книг жил своей жизнью, дышал, подстраивался под шаги.

Так втроём они дошли до круглого стола, стоявшего в самом центре этого книжного вихря. На столе покоился стеклянный шар — матовый, будто затянутый лёгкой дымкой. Рина обошла стол, встала напротив девушек и, закрыв глаза, сделала несколько плавных пассов руками над шаром. Её движения были точными, выверенными, будто она не играла, а действительно что-то чувствовала в воздухе.

— Кому из вас погадать? — произнесла она чуть хриплым, нарочно таинственным голосом.

Яна и Кира снова переглянулись. Кира тихо покрутила пальцем у виска, кивая в сторону Рины. Яна хихикнула, не сдержавшись.

Рина тут же открыла один глаз, вглядываясь в них с преувеличенно строгим видом. Девушки тут же сделали вид, что просто стоят и вообще ни о чём не думают.

— Ой, да ладно, — звонко рассмеялась Рина, сбрасывая эту театральную серьёзность, как плащ. — Я же просто прикалываюсь. Тут и без гаданий магии хватает.

Она резко, но аккуратно нажала на стеклянный шар. И он засветился — тёплым золотистым светом, будто внутри зажглось маленькое солнце. Свет разлился по комнате, мягко касаясь полок, потолка, корешков книг, и в этом сиянии на поверхностях начали мерцать буквы. Они не стояли на месте: дрожали, переливались, скользили по дереву и стеклу, как живые.

— Вот ваше первое задание, — объявила Рина, голос её

теперь звучал чётко, без шуток. — Найти подсказку, которая приведёт вас к следующей. На это у вас есть несколько часов.

Она посмотрела на своё запястье — на нём сияли серебристые часики с тонкими стрелками, которые, казалось, двигались чуть быстрее обычных.

— И время уже пошло, — добавила она, чуть приподняв бровь.

Яна всмотрелась в мерцающие буквы. Они не складывались в слова, а будто дразнили: отдельные слоги то появлялись, то исчезали, перескакивали с полки на полку, с потолка на стол. Но постепенно, если не пытаться схватить всё сразу, а просто позволить взгляду скользить, из хаоса начала проступать закономерность.

«З…ер…ка…ло…» — слоги мелькнули на корешке одной книги, тут же вспыхнули на потолке, скользнули по стеклу шара.

«Ве…дьм…» — долетело откуда-то сбоку, будто шёпот между страницами.

Кира, которая сначала смотрела на всё это с недоверием, вдруг замерла, вытянув руку и указывая на три буквы, зависшие в воздухе над столом:

— Смотрите… Зеркало ведьм. Это… название?

Яна кивнула, чувствуя, как внутри всё сжимается от предвкушения.

— Да. Название одной из магических книг. И нам нужно её найти.

Рина скрестила руки на груди, чуть наклонив голову, и в её взгляде мелькнуло что-то похожее на одобрение:

— Умницы. Только не думайте, что дальше будет проще. Библиотека не любит тех, кто ищет лёгкие пути. Она любит тех, кто умеет видеть между строк.

И правда, стоило им попытаться двинуться к ближайшему стеллажу, как полки будто перестроились: нужные буквы исчезли, а на их месте появились другие, бессмысленные на первый взгляд.

— Как мы её найдём, если тут всё меняется?! — прошептала Кира, оглядываясь по сторонам, будто библиотека могла её услышать и специально всё перепутать.

Яна сделала глубокий вдох. В голове вдруг всплыло что-то из детства — не про магию, а про игры в прятки, про то, как иногда, чтобы найти что-то, нужно перестать искать.

— Не надо смотреть на буквы, — тихо сказала она, почти себе под нос. — Надо смотреть на то, как они двигаются. На ритм. На то, что остаётся на месте, даже когда всё вокруг меняется.

Она медленно пошла вдоль стеллажей, не пытаясь прочитать каждую надпись, а прислушиваясь к тому, как свет ложится на корешки, как тени скользят между строками. И вдруг заметила: одна полка, казалось, стояла чуть твёрже остальных. Не двигалась вместе с остальными, не перестраивалась. На ней книги будто ждали.

Яна подошла ближе. И там, почти в тени, стояла книга с

тёмным переплётом и тиснением, которое в обычном свете было бы не разглядеть. Надпись на обложке мерцала едва заметно: «Зеркало ведьм».

Она протянула руку, коснулась корешка — и в тот же миг библиотека будто выдохнула. Мерцание букв стало тише, стеллажи перестали расти, а воздух наполнился запахом свежей бумаги и чего-то сладковатого, как будто лето решило заглянуть сюда на минуту.

Яна взяла книгу. Та оказалась тяжелее, чем выглядела, и тёплой, будто её только что держали в руках.

— Нашли, — тихо произнесла она, оборачиваясь к Кире и Рине.

Кира шумно выдохнула, будто только сейчас поняла, что всё это время не дышала:

— Ну ничего себе… А я думала, мы тут будем ползать по полкам до утра.

Рина улыбнулась — не широко, а так, что стало ясно: она знала, что они справятся, но хотела, чтобы они сами это поняли.

— Отлично. Но это только начало. Теперь откройте её. Посмотрим, что «Зеркало» хочет вам показать.

Книга вспыхнула — не просто светом, а целым взрывом золотого сияния, таким ярким, что у всех троих невольно защипало в глазах. Яна инстинктивно вскинула руку, прикрывая лицо, а Кира вообще уткнулась носом в плечо, будто на-

деялась, что так не ослепнет.

Когда они наконец осмелились разомкнуть веки, библиотека исчезла. Вместо резных стеллажей, мерцающих букв и стеклянного шара перед ними раскинулась лесная опушка — солнечная, живая, звенящая от птичьих голосов. Тёплый ветер шевелил траву, в воздухе витал запах полевых цветов и тот самый свежий, чуть электрический аромат озона, какой бывает сразу после дождя.

Книга лежала на старом пеньке, будто её аккуратно туда положили. Обложка теперь выглядела иначе: тёмный переплёт будто впитал свет, а тиснение горело тонкими серебряными линиями, складываясь в узор, похожий на переплетённые ветви.

— Вот тебе и «Зеркало ведьм», — протянула Кира, оглядываясь по сторонам с таким видом, будто пыталась найти камеру, которая всё это снимает. — Это что, розыгрыш?

— Зеркала — это порталы, — раздался спокойный голос Рины откуда-то из-за спины. — И каждый видит в них определённое место. Не случайное, заметьте. А именно то, где сейчас нужнее всего.

Девушки резко обернулись. Рина стояла чуть в стороне, с лёгкой улыбкой, будто наблюдала за их реакцией и находила её очень забавной.

— Первую часть вы выполнили, — продолжила она уже деловым тоном, без шуток. — Пора приступать к следующей.

Она сложила большой и указательный пальцы в кольцо, приложила к губам — и вдруг свистнула. Не обычный, человеческий свист, а звонкий, почти музыкальный, от которого даже листья на ближайших кустах чуть вздрогнули.

В ответ поднялся лёгкий бриз, закружился у её ног — и рядом с Риной мягко, будто сама земля подставила ладонь, приземлилась метла. Обычная на вид — деревянная рукоять, тёмные прутья, — но Яна заметила, как по дереву пробегают крошечные искорки, словно внутри пряталась молния.

Кира уставилась на метлу, потом на Рину, потом снова на метлу.

— В смысле? — пробормотала она, будто одно это слово могло распутать всю ситуацию.

— В карамысле, — бойко ответила Рина и широко улыбнулась, явно наслаждаясь моментом. Потом махнула рукой, обводя поляну и лес вокруг: — Это волшебный лес. Он не отдаёт ничего просто так. Вам надо будет найти то дерево, которое будет готово отдать свои ветви. Что для рукояти, что для метёлки. Это может быть как одно дерево, так и несколько. Лес сам подскажет, кому что подходит.

Яна огляделась. Лес не казался враждебным — скорее внимательным, будто он прислушивался к каждой из них. Где-то журчал ручей, вдалеке шелестели кроны, а воздух был таким чистым, что хотелось дышать глубже.

Кира первой сорвалась с места. Она шла быстро, почти вприпрыжку, будто азарт уже гнал её вперёд. И почти сразу

у ручья, там, где песчаный грунт светлел под солнцем, она замерла возле стройной чёрной берёзы. Дерево выглядело необычно: кора была не белой, а тёмно-серой, почти угольной, и на ней мерцали тонкие серебристые прожилки.

— Это ты мне? — прошептала Кира, протягивая руку и едва касаясь ствола.

И будто в ответ ветка мягко качнулась, словно кивая, и одна из нижних ветвей тихо хрустнула, отделяясь, будто сама хотела стать частью чего-то большего.

— Вот это да, — выдохнула Кира, подхватывая ветку и улыбаясь так, будто выиграла в лотерею.

Яна шла медленнее. Она не спешила, прислушиваясь не столько к словам, сколько к тому, как лес отзывался внутри. И вдруг её взгляд зацепился за вишнёвое дерево — небольшое, но крепкое, с тёмной, гладкой корой, будто отполированной дождями и ветрами. Оно росло чуть поодаль, на небольшом возвышении, и казалось… спокойным. Уверенным.

Яна подошла ближе, положила ладонь на ствол. Дерево не шевельнулось, не заговорило, не подало знаков — оно просто было. И в этом спокойствии Яна вдруг почувствовала что-то родное.

«Да, — словно шепнул ей лес, хотя ни один лист не дрогнул. — Тебе».

От ствола легко отделился ровный, гладкий сук — идеальный для рукояти. Яна подняла его, ощущая приятную тя-

жесть и тепло дерева.

А потом, следуя чутью, она пошла дальше, к ручью, где склонились над водой гибкие ветви ивы. Они качались в такт воде, будто танцевали. Яна протянула руку, и одна из веток, тонкая и упругая, сама скользнула к ней, как будто хотела быть найденной.

— Рукоять из вишни, метёлка из ивы, — тихо произнесла Яна, соединяя части. Дерево и прутья будто тянулись друг к другу, и когда она приложила их, между ними пробежала лёгкая искра, а рукоять легла в ладонь так, будто была сделана именно для неё.

Рина наблюдала за ними, стоя чуть в стороне. Когда Яна закончила, она одобрительно кивнула:

— Хорошо. Очень хорошо. Лес не каждому открывает своё сердце. А вы не просто взяли — вы спросили. И услышали.

Кира уже вовсю крутила свою метлу, примеряясь, как её держать:

— И что теперь? Летать? Прямо тут?

Рина снова улыбнулась, но в этот раз улыбка была чуть серьёзнее:

— Почти. Но сначала — доверие. Потому что метла — это не просто палка с ветками. Это партнёр. И она полетит только с тем, кто готов не просто держаться, а чувствовать.

Яна посмотрела на свою метлу. Дерево пахло вишней и дождём, прутья ивы мягко шелестели, будто шептали что-

то на незнакомом языке. И вдруг в голове, тихо и спокойно, прозвучал знакомый голос:

«Ну вот, теперь у тебя есть крылья. Почти. Главное — не бойся оторвать ноги от земли. Иногда это самое смелое, что можно сделать».

Яна улыбнулась, сама не зная, то ли от слов, то ли от того, что теперь точно знала: она не одна. Даже здесь, в волшебном лесу, где всё было новым, рядом всё равно был кто-то, кто верил в неё.

Экзамен Часть 2.

На опушке Рина подхватила свою метлу и встала так, чтобы видеть обеих девушек — строго, но без угрозы, будто от того, как они сейчас всё поймут, зависело не только испытание, но и что-то куда большее.

— Теперь слушайте, чувствуйте, доверьтесь метле, — произнесла она, и голос её звучал не как наставление, а как предупреждение, которое лучше не пропускать мимо ушей. — Она — ваше продолжение. Может спасти умелых… и погубить тех, кто не слушает. В какой-то степени можно сказать, что метла — это живой организм. Многие с ними разговаривают.

Кира хмыкнула, но тут же прикусила язык, когда заметила, что Рина даже не моргнула в ответ на этот звук. Яна же смотрела на свою метлу так, будто пыталась разглядеть в переплетении веток и дерева что-то знакомое — будто это не просто палка с прутьями, а старый приятель, который пока молчит, но вот-вот заговорит.

— Простое заклинание, — продолжила Рина, чуть понизив голос, будто боялась спугнуть сам воздух вокруг. — «Сердце моё, рядом с тобой. Ты окликнись на зов мой». Произнесите его шёпотом над вашей метлой. Не кричите. Не старайтесь звучать красиво. Просто скажите. Так, будто говорите с тем, кто вас точно услышит.

Яна и Кира переглянулись. В этом взгляде было всё: и неловкость, и сомнение, и крошечная надежда, что сейчас случится что-то настоящее.

Они склонились над своими метлами и тихо, почти одними губами, произнесли слова заклинания.

И в тот же миг метлы отозвались. Сначала — лёгкой дрожью, будто проснулись после долгого сна. Потом по дереву и прутьям побежали крошечные искры, как бегущие огоньки по фитилю. Метлы прокрутились вокруг своей оси, будто разминаясь, и вдруг, без предупреждения, взмыли вверх, оставляя девушек одних на опушке.

Яна застыла, глядя, как её метла из вишни и ивы поднимается всё выше, пока не превратилась в тёмную точку на фоне голубого неба.

— Теперь вам предстоит их позвать, — спокойно сказала Рина, будто это было самое обычное дело на свете.

Кира тут же поднесла пальцы ко рту и попыталась повторить тот самый звонкий свист, которым Рина призвала свою метлу. Но вместо чистого звука с её губ срывались какие-то хриплые, ломаные ноты — будто лес смеялся над попыткой.

— Да что ж такое, — пробормотала она, хмурясь и снова пробуя, но результат был тот же.

Яна тоже размяла губы, сначала просто подвигала челюстью, потом сложила их дудочкой и тихонько дунула. Прозвучал тихий-тихий, почти незаметный короткий свист — как первый неуверенный шаг.

Рина наблюдала за этим молча, не помогая, не подсказывая — просто стояла и смотрела, будто проверяла не технику, а что-то внутри них.

А Яна вдруг вспомнила, как папа учил её свистеть. Это было летом, на даче, когда ветер шумел в яблонях, а она хотела научиться делать так, чтобы птицы ей отвечали. Папа показывал, складывал пальцы, объяснял, как держать язык. А потом, когда у неё наконец получилось, она свистела несколько дней подряд — утром, днём, вечером, даже перед сном. И папа потом тихо вздыхал и говорил: «Ну всё, теперь я знаю, что ты точно проснулась».

Она закрыла глаза на секунду, словно возвращаясь в тот тёплый день, и снова поднесла пальцы к губам. На этот раз свист вышел чистым, звонким, как капля, упавшая в спокойную воду.

И метла услышала. Она тут же сорвалась с высоты, прочертив в воздухе дугу, и мягко приземлилась прямо перед Яной, будто и не улетала вовсе.

Яна улыбнулась, сама не веря, что у неё получилось.

Чуть позже, после ещё нескольких попыток и одного сердитого взгляда на свою метлу («Ты меня вообще слышишь?!»), с заданием справилась и Кира. Её свист вышел не таким мелодичным, но в нём было столько упрямства, что даже лес, казалось, решил: ладно, пусть будет так. Метла чёрной берёзы плавно опустилась рядом, слегка качнув прутьями, будто извиняясь за то, что заставила понервничать.

Рина кивнула, впервые за всё время позволяя себе лёгкую улыбку:

— Вот оно. Не в силе, не в громкости. А в том, чтобы быть услышанным. Метла чувствует не звук, а намерение. Если ты злишься — она будет упрямиться. Если ты сомневаешься — будет кружить, пока ты не соберёшься. А если ты говоришь с ней честно, она вернётся. Всегда.

Яна провела ладонью по вишнёвой рукояти. Дерево было тёплым, будто грело её пальцы изнутри.

— А теперь, — голос Рины снова стал строгим, но в нём уже слышалось что-то похожее на азарт, — когда вы снова вместе со своими метлами, пора учиться летать. Не просто держаться, а чувствовать. Потому что в патруле нет времени на «попробую ещё раз». Там нужно сразу — и точно.

Она подняла свою метлу, легко перекинула ногу и на секунду замерла, будто сливаясь с ней в одно целое. Потом чуть наклонилась вперёд — и взмыла вверх, не резко, а плавно, как птица, которая знает небо.

— Повторяйте, — крикнула она сверху, зависнув на высоте нескольких метров. — Но сначала — доверьтесь. Пусть метла станет продолжением вас.

Яна посмотрела на свою метлу, потом на Киру. Та уже пыталась перекинуть ногу, морщилась от неловкости, но не сдавалась.

— Знаешь, что самое странное? — тихо сказала Яна, будто разговаривая не с Кирой, а с лесом, с метлой, с самой со-

бой. — Мне кажется, она меня ждёт.

— Тогда не заставляй её скучать, — хмыкнула Кира, всё-таки устраиваясь на метле и уже чуть увереннее. — Поехали!

И они взлетели. Сначала неуверенно, дёргано, будто учились ходить заново. Яна почувствовала, как метла чуть дрогнула под ней, словно спрашивая: «Ты точно готова?» А потом, когда Яна перестала бояться и просто наклонилась вперёд, доверившись этому движению, метла отозвалась — плавно, уверенно, будто всегда знала, что именно так и должно быть.

Ветер обнял её за плечи, солнце скользнуло по лицу, и на секунду весь мир стал простым и правильным: есть она, есть метла, есть лес внизу, и есть впереди что-то важное, к чему она точно готова.

Где-то внизу, в высокой траве, мелькнул полосатый бок. Яна не успела разглядеть, но ей показалось, что Мурлыка сидел, поджав лапы, и смотрел на неё с видом «ну наконец-то», а потом исчез в зарослях, оставив после себя только тихий шорох и ощущение, что кто-то очень важный за неё болеет.

Они летели. Действительно летели — не в воображении, не в мечте, а наяву, так, что ветер забирался под куртку, трепал волосы и выжимал слёзы из глаз просто от скорости. Яна пыталась утереться плечом, потому что боялась хоть на секунду отпустить руки, и в этот самый миг метла будто решила проверить: а насколько ты мне доверяешь?

Яна качнулась, потеряла равновесие — и в следующую секунду уже висела вниз головой, судорожно вцепившись в вишнёвую рукоять, а мир перевернулся: зелёная трава стала небом, небо — травой, а где-то внизу мелькнули испуганные глаза Киры.

Рина среагировала молниеносно. Без криков, без суеты — просто метнулась вниз, выровняла Янину метлу одним точным движением, будто знала каждую её искру, каждую неровность дерева. И Яна снова оказалась в нормальном положении — сидя, дрожащая, но целая.

— Дыши, — коротко бросила Рина, зависая рядом и глядя строго, но без злости. — Не хватайся так, будто она тебя уронит. Она чувствует страх. Держи уверенно, но мягко. Как будто ведёшь кого-то за руку, а не ломаешь палку.

Девушки медленно, осторожно вернулись на опушку — туда, откуда взлетели. Метлы мягко коснулись травы, будто сами знали, что сейчас лучше не выделываться. Кира приземлилась чуть криво, но всё-таки на ноги, и тут же выдохнула так, будто до этого вообще не дышала.

— Уроки по управлению ещё будут, — спокойно сказала Рина, опускаясь следом и ставя метлу вертикально, как будто это был не инструмент, а верный напарник, заслуживающий уважения. — Профессор Ветрова Изольда Аркадьевна обучит вас всем тонкостям. У неё подход… специфический. Но летать вы будете. Даже если сначала будете падать.

Яна наконец разжала пальцы. Ладони горели от напряже-

ния, а в груди всё ещё колотилось сердце, но теперь уже не от страха, а от того, что она всё-таки сделала это — летела. По-настоящему.

— А пока нам пора возвращаться в библиотеку, — добавила Рина, чуть наклонив голову, будто прислушиваясь к чему-то, чего остальные не слышали.

Они отпустили свои метлы, повторив короткую фразу, которую показала Рина:— Лети.

И метлы не унеслись прочь, а мягко поднялись на пару метров, повисели, будто прощаясь с лесом, и вдруг вспыхнули тем самым золотистым светом, который уже стал знакомым. Свет окутал девушек, на мгновение стирая границы между лесом и библиотекой, между «там» и «здесь».

Когда сияние рассеялось, они снова стояли посреди библиотеки. Вокруг по-прежнему тянулись резные стеллажи, а массивные фигуры из красного дерева по-прежнему подпирали своды — только теперь девушки смотрели на них уже иначе. Не как на нелепые статуи, а как на молчаливых свидетелей чего-то большего.

Книга «Зеркало ведьм» лежала на круглом столе, будто и не исчезала никуда. Её обложка теперь казалась чуть светлее, а серебряные узоры — будто чуть ярче, как будто она тоже запомнила этот полёт.

Кира первым делом плюхнулась на ближайший стул, вытянула ноги и закатила глаза:— Я думала, я умру. Или хотя бы потеряю кед. Но нет. Жива. И даже кеды на месте.

Яна стояла, всё ещё прислушиваясь к себе: к дрожи в пальцах, к этому странному чувству, когда мир только что стал чуть больше. Она улыбнулась — тихо, про себя.

Рина подошла к столу, аккуратно закрыла книгу и чуть задержала ладонь на обложке, словно проверяя, всё ли на месте. Потом подняла взгляд на девушек:— Вы справились. Не идеально, но справились. А в магии это часто самое важное: не сдаться, когда всё идёт не так.

Она сделала паузу, будто собираясь с мыслями, и добавила уже тише:— Но это был только первый шаг. Дальше будет сложнее. И интереснее.

В этот момент из дальнего угла, где тени лежали чуть гуще, раздался знакомый голос — негромкий, мурлыкающий, с той самой интонацией, которая всегда заставляла улыбнуться:

— Ну вот. Я же говорил: главное — не бояться оторвать ноги от земли. А остальное приложится.

Яна обернулась — и увидела Мурлыку. Он сидел на нижней полке, небрежно обвив лапы хвостом, и смотрел на неё своими янтарными глазами, в которых плясали смешинки.

— Ты… ты был там? — выдохнула Яна, чувствуя, как напряжение окончательно сползает с плеч.

Мурлыка чуть наклонил голову, будто взвешивал, стоит ли признаваться:— Скажем так: я был там, где нужно. И да, я видел, как ты висела вниз головой. Это было… эффектно.

Кира хихикнула, прикрывая рот рукой, а потом вдруг по-

тянулась к коту:— Эй, ты говорящий? Реально говорящий?

Мурлык лениво дёрнул ухом:— Только с теми, кто заслуживает. И с теми, у кого есть колбаса.

Яна рассмеялась — впервые за весь экзамен по-настоящему, свободно, так, что даже библиотека будто стала светлее.

Кот и правда вальяжно растворился в тенях — не растаял, не исчез, а именно скользнул, будто тени сами расступились и приняли его, как старого знакомого. В том углу, где он сидел, на секунду стало чуть темнее, а потом всё вернулось как было, будто и не было никакого говорящего кота.

— Гляжу, наш проказник нашёл себе новую подопечную, — спокойно сказала Рина, чуть склонив голову, будто прислушивалась к тишине, которая теперь казалась наполненной смыслом.

— Проказник?! — удивилась Яна, всё ещё не в силах уложить в голове, что только что произошло. — То есть… он не просто кот?

Рина кивнула, но не торопилась объяснять, будто хотела, чтобы Яна сама докрутила эту мысль до конца.

— В каждом из потоков, которые учились в стенах этой академии, — продолжила она, подбирая слова так, будто боялась спугнуть легенду, — была одна ведьма, за которой присматривал Мурлыка. Он показывается только тем, кто чист помыслами. Другие же его просто не видят. Или для них это обычный полосатый кот, который где-то тут бродит, спит на подоконниках и ворует сосиски. А для той, кого он выбрал,

— совсем другое.

Кира, которая до этого момента сидела, вытянув ноги и пытаясь прийти в себя после полёта, вдруг выпрямилась, будто её толкнули:

— То есть я его… не должна была видеть?

— Ты его видела, потому что была рядом с Яной, — пояснила Рина без тени насмешки. — Он не прячется от всех подряд. Просто полностью открывается только одной.

Яна смотрела на Рину, пытаясь осознать: это что, теперь она — та самая ведьма из легенды? Та, за которой будет присматривать дух академии?

— Так он… вернее, кто он? — снова спросила Яна, чувствуя, как внутри всё дрожит от смеси восторга и тревоги.

Рина чуть пожала плечами, будто сама не знала точного ответа, но знала достаточно, чтобы не сомневаться:

— Кто-то считает его духом самой академии. Кто-то не верит в эти сказки и говорит, что это просто очень умный кот, который слишком много знает. В архивах вы о нём ничего не найдёте. Ни документов, ни упоминаний, ни даже намёков. Будто его специально стёрли со страниц.

Она сделала паузу, оглядывая стеллажи, будто проверяя, не подслушивает ли кто-то из старых книг.

— Но по одной из легенд, что передаются из уст в уста, это кот-основатель академии. До того, как она стала чисто женской. Поговаривают, что душа основателя вселилась в этого кота, когда тёмные напали внезапно и застали всех врасплох.

Он тогда был не просто магом — он был тем, кто держал щит над всей академией. И когда силы закончились, он не дал тьме прорваться. Говорят, он прошептал одно-единственное заклинание, и его душа перетекла в тело кота, который всё это время сидел у него на плече. С тех самых пор он является для одной из ведьм. И никто никогда не знает, почему он выбирает именно её. Ни заслуг, ни предсказаний, ни списков. Просто приходит. И остаётся.

Рина посмотрела прямо на Яну, и в её взгляде не было ни жалости, ни восторга — только спокойное признание факта:

— Похоже, в этот раз его выбор пал на тебя.

Яна стояла, чувствуя, как пол под ногами становится чуть твёрже, будто сама академия подтверждала: да, это правда. Не награда, не привилегия, а ответственность. И ещё — чувство, что теперь она не одна. Даже если Мурлыка будет пропадать в тенях, даже если будет шутить и требовать колбасу, он где-то рядом.

Кира покосилась на Яну, потом на стеллажи, будто ожидала, что кот снова выскочит откуда-нибудь с очередной фразой, и тихо, почти шёпотом, сказала:

— Ну ничего себе… То есть ты теперь типа избранная?

Яна хотела было возмутиться, сказать, что она никакая не избранная, что она просто хотела научиться летать и не падать вниз головой. Но вместо этого она вдруг улыбнулась — тихо, но уверенно:

— Я не избранная. Я просто та, кому он решил показать-

ся. И, наверное, этого уже достаточно.

Рина одобрительно кивнула, будто именно этого ответа и ждала.

— Именно так. Не избранность делает тебя сильной. А то, как ты справляешься с тем, что тебе досталось.

В этот момент где-то в глубине библиотеки скрипнула половица, и на секунду показалось, что в тени снова мелькнул знакомый полосатый бок. Но когда Яна вгляделась, там уже никого не было. Только тишина, запах старых книг и ощущение, что академия приняла её — по крайней мере, её часть, та, что прячется в тенях и мурлычет шутки.

— А теперь, — голос Рины снова стал деловым, без легенд и тайн, — нам пора. Аглая Михайловна ждёт отчёт о вашем испытании. И если вы думаете, что полёт вниз головой — это самое интересное, что сегодня случится, то вы ошибаетесь. Впереди разбор полётов. В прямом и переносном смысле.

И она повела их по библиотеке, мимо статуй, которые теперь казались не просто украшениями, а стражами, мимо полок, будто кивавших им вслед, прямо к выходу, где уже ждала ассистентка — строгая, собранная, с планшетом в руках и взглядом, который ничего не упускал.

Вернувшись в аудиторию, Яна сразу заметила то, что невозможно было не заметить: ряды опустели. Там, где ещё недавно сидели девушки, теперь темнели пустые парты, а воздух будто стал чуть гуще от несказанного вопроса.

«Или просто не все ещё вернулись?» — мелькнуло у Яны в голове, но что-то внутри уже знало ответ.

Аглая Михайловна стояла у кафедры — прямая, спокойная, в том же пурпурном костюме с изумрудными пуговицами, будто и не покидала этого места, хотя только что весь их поток метался между библиотекой, лесом и небом.

— Ну что же, давайте продолжим, — произнесла она ровным голосом, и даже эта простая фраза прозвучала как приказ.

Аудитория тут же ожила: девушки зашуршали, зашептались, переглядывались, пытаясь понять, что произошло с теми, кого не хватало. Кто-то нервно хихикнул, кто-то тихо спросил соседку: «Ты видела, куда они делись?»

— Тишина, — коротко сказала Аглая Михайловна.

И тишина пришла — не мягкая, а натянутая, звенящая от напряжения.

— Вижу, вы успели заметить, что вас стало гораздо меньше, — продолжила она, медленно обводя взглядом оставшиеся ряды. Её серые глаза задерживались на каждой, будто ставили невидимую отметку. — Это действительно так. Не все справились с первой частью задания. С ними всё хорошо, но на учёбе вы с ними уже не встретитесь.

Яна сжала пальцы, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Это не было жестокостью — это была правда, сказанная прямо, без прикрас. Академия не обещала, что будет легко. И не обещала, что все останутся.

— И дальше задания будут ещё сложнее, — добавила Аглая Михайловна, чуть наклонив голову, будто проверяя, готовы ли они это услышать. — С вашими наставницами вы ещё встретитесь. Сейчас же вам предстоит приготовить эликсир.

Она снова хлопнула в ладоши — на этот раз не резко, а весомо, будто закрывая одну дверь и открывая другую.

Перед каждой из оставшихся учениц тут же появились предметы: стеклянные колбы с тонкими горлышками, маленькие котелки, в которых уже закипала какая-то вязкая жижа, пузырчатые флаконы с разноцветными жидкостями, ступки с сушёными травами, крошечные весы и даже тонкие пинцеты, будто специально созданные для работы с чем-то очень хрупким.

Рядом с каждым набором лежал лист пергамента с аккуратным, почти каллиграфическим почерком: «Эликсир исцеления. Основные компоненты: сок тысячелистника, пепел лунного камня, настойка корня валерианы, капля росы, собранной до рассвета». Ниже шли предупреждения: «Не смешивайте тысячелистник с пеплом до добавления росы — реакция может быть нестабильной», «Нагрев — только на медленном огне», «Дозировка — строго по каплям».

— Вам предстоит «сварить» эликсир исцеления, — спокойно продолжила Аглая Михайловна, и её голос теперь звучал не как приговор, а как приглашение к чему-то важному. — В будущих миссиях хорошей ведьме без него не обойтись.

Это не просто зелье, которое залечивает царапины. Это то, что даёт шанс, когда шансов уже нет. И умение приготовить его правильно — это умение отвечать за чужую жизнь.

По аудитории прокатился тихий вздох. Кто-то осторожно коснулся стеклянной колбы, проверяя, горячая ли она. Кто-то уже склонился над пергаментом, вчитываясь в строки так, будто от каждой зависело всё.

Кира наклонилась к Яне и прошептала, стараясь не нарушить тишину:— Слушай, я в зельях полный ноль. Я даже чай заварить могу так, что он будет пахнуть лесом и грустью.

Яна слабо улыбнулась, но в груди всё равно сжималось от волнения. Она посмотрела на свои ингредиенты: тёмный порошок пепла, похожий на звёздную пыль, флакон с прозрачной жидкостью, от которой по стеклу бежали крошечные искорки, пучок сухих трав, которые пахли дождём и лесом.

— Значит, будем делать вместе, — тихо ответила она. — Сначала прочитаем. Потом сделаем шаг за шагом.

Аглая Михайловна будто услышала этот шёпот, но не сделала замечания. Вместо этого она медленно пошла между рядами, не вмешиваясь, но наблюдая — так, как наблюдают за теми, кто стоит на краю пропасти и вот-вот сделает первый шаг.

— Помните, — произнесла она, останавливаясь возле одного из столов и чуть склоняясь над набором ингредиентов, — магия в зелье — не в редких компонентах. Она в точности. В терпении. В умении слушать, как шепчет стекло,

как шипит жидкость, как пахнет трава, когда её растирают. Ошибка здесь — это не просто испорченный эликсир. Это урок, который лучше выучить сейчас, пока рядом есть те, кто сможет остановить.

Яна взяла ступку и осторожно положила туда сушёные листья тысячелистника. Они были ломкими, почти невесомыми, и когда она коснулась их пестиком, по комнате поплыл горьковатый, травяной аромат — чистый, резкий, будто предупреждающий: «Будь внимательна».

Она начала растирать листья — медленно, ровно, не торопясь, прислушиваясь к тому, как меняется звук: сначала сухой хруст, потом тихий шелест, потом почти шёпот. Рядом Кира пыталась отмерить каплю росы с помощью пипетки, и её рука дрожала, но она не сдавалась.

Где-то в углу аудитории раздался тихий, знакомый голос:

— Не торопись. Зелье не любит суеты. Оно любит, когда с ним разговаривают.

Яна не подняла головы, но уголки губ дрогнули. Мурлыка. Он был где-то здесь, в тенях, наблюдал, подбадривал, напоминал, что она не одна.

— Спасибо, — прошептала она, скорее себе, чем ему.

Аглая Михайловна остановилась возле их стола. На секунду её взгляд задержался на Яне, потом скользнул по ингредиентам, по тому, как ровно она растирает травы, как внимательно смотрит на капли, падающие из пипетки.

— Продолжайте, — сказала она коротко, но в этом сло-

ве было что-то похожее на одобрение. — И помните: в этом эликсире нет места «почти». Либо он будет работать, либо нет.

И Яна поняла: это не просто урок зельеварения. Это проверка на то, сможешь ли ты быть той, кто не подведёт.

Пока Яна отвернулась, наблюдая, как Кира смешивает ингредиенты, одна из девушек — тихо, незаметно, будто это было обычным движением — подложила ей пробирку с тёмной субстанцией. И так же незаметно вернулась на своё место, будто ничего не случилось.

Яна обернулась, машинально взяла в руки эту пробирку. Тёмная жидкость внутри, тяжёлая, пахла чем-то горьким, неправильным — но Яна не успела этого понять. Она уже наклонила пробирку над котелком, готовая вылить содержимое, как вдруг что-то мягкое и быстрое врезалось ей прямо в ногу.

Пробирка выскочила у неё из руки и полетела на пол.

Со звонким звуком она разбилась об каменный пол. Тёмная жидкость вытекла, зашипела, пуская едкий дымок, но — ничего не произошло. Ни взрыва, ни вспышки. Только лужица, которая медленно впитывалась в камень, оставляя после себя чёрный след, будто ожог.

В этот момент Яна краем глаза заметила, как мимо её ноги скользнул полосатый хвост и растворился в тени. Мурлыка. Он врезался в неё не случайно — он выбил пробирку из

руки, не дал вылить эту дрянь в котелок.

Все в аудитории замерли. Тишина повисла тяжёлая, звенящая. И только Аглая Михайловна не замерла — она словно и не удивилась, только её серые глаза буквально пригвоздили взглядом виновницу этого шума. Та девушка, что подложила пробирку, побледнела, но не пошевелилась, будто надеялась, что если сидеть тихо, её не заметят. Аглая Михайловна заметила.

Яна хотела подняться со своего места — мол, вот это я, это моя пробирка, это я виновата в этом шуме. Но Кира её опередила.

Вскочила с места так резко, что стул чуть отъехал назад.

— У нас тут бардак, — затараторила она, и голос её звучал легко, почти весело, будто ничего особенного не случилось. — Но все целы, просто руки у меня до сих пор немного трясутся после полёта на метле. Меня чуть порывом ветра не снесло, — продолжала она, не давая никому вставить ни слова. — Хорошо, что наша наставница оказалась проворной. Ха, а то бы я сейчас тут не стояла. Вон, и Яна подтвердит.

Она подмигнула Яне так, чтобы другие не видели — быстро, почти незаметно, но Яна поймала этот взгляд и поняла: Кира берёт удар на себя.

Все посмотрели на Яну. Она пребывала в лёгком шоке — не от разбитой пробирки, а от того, что Кира, которую она знает всего несколько часов, вот так просто встала и прикрыла её. Без раздумий, без колебаний.

Аглая Михайловна подошла ближе. Её шаги были медленными, размеренными, каблуки чуть постукивали по каменному полу.

— Всё было именно так? — обратилась Аглая Михайловна к Яне. Голос ровный, но в нём чувствовалось: она уже знает ответ, просто хочет проверить, что скажет Яна.

Яна посмотрела на Киру. Та держалась расслабленно, скрестив руки на груди, чуть наклонив голову, будто действительно ничего не случилось — будто это просто неловкость после полёта, ничего больше. Потом Яна посмотрела на преподавателя — на эти серые глаза, которые, казалось, видели насквозь.

Затем медленно кивнула.

Аглая Михайловна пристально посмотрела на Киру, потом на Яну. Пауза длилась секунду, две, три — достаточно долго, чтобы стало не по себе. И в этом взгляде было что-то, от которого хотелось вытянуться по струнке и сказать правду, всю, до конца. Но Яна молчала. Кира молчала. И тогда Аглая Михайловна, сделав вид, что поверила им, чуть наклонила голову.

— Ну раз других сведений не будет и серьёзных травм удалось избежать, продолжим наш экзамен. Возьмите получившийся эликсир в одну руку и кинжал, что появился на столе у каждой из вас.

И действительно — возле каждой из девушек, словно из воздуха, появился кинжал. Простой, без излишеств: тёмное

лезвие, деревянная рукоять, никаких украшений. Но от него веяло чем-то таким, от чего по коже бежали мурашки — будто каждый кинжал знал, для чего он здесь.

— Ваша соседка должна протянуть вам свой палец. Сделать небольшой порез и использовать ваш эликсир. Таким образом мы проверим, насколько хорошо вы выполнили своё задание. Приступайте.

Яна замерла, держа кинжал в руке. Он оказался тяжелее, чем выглядел, и холодным, будто его вынули из тени. Она смотрела на лезвие и думала: вот оно — настоящее испытание. Не пробирка, не полёт, не заклинание. А это: провести лезвие по чужой коже и ответить за то, что будет после.

Кира не дала ей долго думать. Сама протянула палец, сама провела им по лезвию Яниного кинжала — быстро, уверенно, будто делала это не в первый раз. На подушечке выступила крошечная капля крови, яркая, живая.

— Всё в порядке, это не больно, — спокойно сказала Кира, глядя прямо на Яну. — Ну, не так больно, когда ты первый раз с мужчиной.

По аудитории прокатился нервный смешок — кто-то фыркнул, кто-то прикусил губу. Но именно эта фраза, нелепая и такая в духе Киры, будто сняла что-то тяжёлое с воздуха, вернула всем дыхание.

Яна поднесла флакон с эликсиром к порезу. Эликсир пах травами, мёдом и чем-то ещё — чем-то тёплым, будто в нём пряталась капля солнца. Она капнула ровно одну каплю.

И в тот же миг ранка начала затягиваться. Не мгновенно, а по-настоящему: сначала кровь перестала сочиться, потом края пореза сошлись, будто их стянули невидимыми нитями, а через несколько секунд на коже осталась только тонкая, едва заметная линия.

Кира пошевелила пальцем, посмотрела на него, потом подняла глаза на Яну и тихо, одними губами, прошептала:— Получилось.

Аглая Михайловна подошла, не торопясь, внимательно посмотрела на затянувшийся порез, потом на флакон в Яниной руке.

— Да, — произнесла она, и в этом единственном слове было больше, чем в любой похвале. — Получилось. Вы не просто смешали ингредиенты. Вы сохранили суть.

Она обвела взглядом аудиторию и на секунду задержала его на той самой девушке, что подложила тёмную субстанцию. Но ничего не сказала. Не нужно было.

— Это и есть главная проверка, — продолжила Аглая Михайловна громче, чтобы слышали все. — Не в том, чтобы сделать всё идеально, когда вокруг тишина и никто не мешает. А в том, чтобы не потерять суть, когда рядом кто-то пытается сбить тебя с толку. Когда руки дрожат. Когда кажется, что всё идёт не так.

Яна наконец выдохнула. Она посмотрела на Киру — и в этом взгляде было больше, чем просто «спасибо». Это было: «я не забуду, что ты сделала».

Кира только пожала плечами, будто это ничего не значило, но в её глазах плясали смешинки.

В дальнем углу, в тени подоконника, Мурлыка сидел, небрежно обвив лапы хвостом, и смотрел на Яну так, будто говорил: «Ну вот, видишь? Я знал, что ты справишься. Даже когда кто-то пытался всё испортить. И даже когда ты сама не была уверена».

Аглая Михайловна снова хлопнула в ладоши — на этот раз не для магии, а чтобы вернуть всех к делу.

— Испытание завершено. Эликсир прошёл проверку. Но помните: в настоящей миссии никто не будет стоять рядом и смотреть, правильно ли вы капнули. Там не будет второй попытки. Там будет только вы и тот, кто ждёт вашей помощи.

Она сделала паузу, давая этим словам осесть.

— Вы свободны до следующего занятия. Но прежде чем разойтись, подойдите ко мне по очереди. У каждой из вас будет своё задание на ближайшие дни.

Девушки начали медленно собираться, перешёптываясь, убирая колбы и флаконы. Кто-то всё ещё поглядывал на ту самую девушку, что подложила субстанцию, но никто ничего не говорил. Академия учила не только магии — она учила молчать, когда нужно, и говорить, когда важно.

Когда подошла очередь Яны, Аглая Михайловна посмотрела на неё чуть дольше, чем на остальных.

— Ты сохранила спокойствие, когда всё пошло не по плану, — тихо сказала она, не для чужих ушей. — И ты не стала

обвинять, даже когда могла. Это редкое качество. Запомни его. Оно спасёт не одну жизнь.

Яна кивнула, чувствуя, как внутри что-то щёлкнуло на место — не гордость, не тщеславие, а понимание: она чему-то научилась.

— А теперь иди. Отдохни. Завтра будет новый день. И новое испытание.

Яна вышла из аудитории следом за Кирой. В коридоре пахло воском и старым деревом, а свет из высоких окон ложился на пол тёплыми прямоугольниками.

— Знаешь, — сказала Кира, когда они отошли подальше от дверей, — я бы ещё раз взяла удар на себя. Ну, если надо. Но надеюсь, что не придётся.

Яна улыбнулась:— Я тоже надеюсь. Но если вдруг… я тоже прикрою.

Кира хмыкнула, но в её взгляде было что-то тёплое, настоящее: — Договорились.

Экзамен Часть 3.

Яна стояла перед кафедрой, чувствуя, как от напряжения чуть подрагивают кончики пальцев. Аглая Михайловна смотрела на неё не строго и не мягко — а так, будто видела не только то, что было на поверхности, но и всё, что пряталось внутри: и страх, и желание всё сделать правильно, и ту самую неловкость, которая никак не хотела отпускать.

— Итак, Серова, — произнесла Аглая Михайловна, чуть склонив голову, будто примеряла имя к тому, что знала о Яне. — Твоим персональным заданием будет поиск кристалла отслеживания. В библиотеке ты найдёшь нужные книги по этому кристаллу и по тому, как его найти.

Яна хотела тут же возразить, сказать, что она не самая подходящая для такого задания, что она ещё толком не научилась держать метлу, не то что искать древние артефакты. Но вместо этого у неё вырвалось совсем другое:

— Я… это я разбила пробирку. И я чуть не упала с метлы. Кира просто прикрыла меня.

Слова прозвучали тихо, но в тишине опустевшей аудитории они будто стали громче, чем любой крик. Яна не отводила взгляда, хотя внутри всё сжималось от страха: вдруг Аглая Михайловна рассердится, вдруг решит, что она не годится, вдруг снимет с задания и отправит куда-нибудь переписывать правила академии сто раз подряд.

Аглая Михайловна не нахмурилась. Не повысила голос. Только чуть наклонила голову, словно прислушиваясь не к словам, а к тому, что за ними стояло.

— Это похвально, что ты призналась, — спокойно сказала она, и в её голосе не было ни насмешки, ни снисхождения. — И что подруга у тебя такая, готовая вступиться. Вам через многое предстоит пройти вместе. Умение прикрывать друг друга — это не слабость. Это сила, которую не каждый может себе позволить.

Яна выдохнула, сама не заметив, что до этого вообще не дышала. Плечи чуть опустились, напряжение отступило на шаг.

— А теперь к делу, — продолжила Аглая Михайловна уже своим обычным, деловым тоном. — Кристалл отслеживания — вещь редкая и капризная. Он не лежит на видном месте и не светится, чтобы все его видели. Он отзывается только на определённые частоты, на определённые слова, на определённую магию. Книги в библиотеке помогут тебе понять, как его искать. Но помни: знание — это только половина пути. Вторая половина — это умение слушать, когда тишина говорит громче слов.

Яна кивнула, стараясь удержать каждое слово, чтобы не потерять ни одного.

— И ещё, — добавила Аглая Михайловна чуть тише, будто это было не для всех, а только для Яны. — Не пытайся сделать всё в одиночку. Даже самые сильные ведьмы когда-то

стояли там, где стоишь ты, и не знали, с какой стороны подойти к заданию.

В этот момент к кафедре подошла Кира. Она не выглядела взволнованной — скорее собранной, будто уже мысленно раскладывала задание по полочкам.

— Тебе, Шарова, — сказала Аглая Михайловна, переводя взгляд на Киру, — предстоит сопровождать Серову. Твоя роль — поддержка и помощь. Ты будешь её глазами там, где она не заметит, и голосом там, где ей будет страшно сказать.

Кира на секунду замерла, будто проверяя, правильно ли она услышала. Потом медленно кивнула, и на её лице появилась та самая улыбка — не весёлая, а уверенная, будто она наконец-то поняла, в чём её место.

— Поняла, — коротко ответила она, чуть наклонив голову. — Я её не подведу.

Аглая Михайловна снова чуть склонила голову, будто принимая это обещание.

— Хорошо. Тогда идите. Библиотека не ждёт. И помните: время здесь течёт иначе, чем кажется.

Яна и Кира отошли от кафедры. Яна всё ещё чувствовала взгляд Аглаи Михайловны на своей спине, но теперь он не пугал, а будто поддерживал — как невидимая рука, которая просто напоминает: «Ты справишься».

— Ну вот, — тихо сказала Кира, когда они вышли в коридор и гул аудитории наконец сменился тихим эхом каменных стен. — Теперь официально: мы команда.

Яна улыбнулась, впервые за весь день по-настоящему, без напряжения:

— Ты не обязана… ну, знаешь, прикрывать меня всё время.

Кира только хмыкнула, будто это была самая нелепая мысль на свете:

— Слушай, я не ради геройства это делаю. Просто если ты будешь падать, а я буду стоять и смотреть, мне потом всю жизнь будет стыдно. Да и скучно. А так — хоть приключение.

Они шли по коридору, и тени ложились на пол длинными полосами, будто кто-то расчертил путь заранее. Где-то впереди, в полутени, мелькнул полосатый бок. Мурлыка сидел на подоконнике, поджав лапы, и смотрел на них с видом полного спокойствия.

— Вижу, у вас теперь есть официальное задание, — мурлыкнул он, не поворачивая головы, будто это было самое обычное дело на свете. — Кристалл отслеживания, значит. Вещь капризная. Но знаешь, что у него общего с хорошей библиотекой?

Яна остановилась, чуть наклонившись к нему:

— Что?

Мурлыка лениво дёрнул ухом:

— Он тоже любит, когда к нему приходят не с пустыми руками, а с вопросом. И не с любым вопросом, а с тем, который ты действительно хочешь задать.

Кира уставилась на кота, будто всё ещё не могла привыкнуть к тому, что он разговаривает:

— То есть нам надо… правильно спросить?

Мурлыка чуть прищурился:

— Именно. В этой академии почти всё работает на вопросах. Главное — не спрашивать «как мне всё успеть», а спросить «что мне нужно знать прямо сейчас».

Яна посмотрела на Киру, потом снова на Мурлыку. В груди появилось странное чувство — не страх, а предвкушение. Как будто впереди было что-то сложное, но не невозможное.

— Ладно, — тихо сказала Яна, выпрямляясь. — Тогда начнём с главного вопроса.

— С какого? — уточнила Кира.

Яна чуть улыбнулась:

— Где в этой библиотеке искать книги про кристалл отслеживания?

Мурлык фыркнул, будто этот вопрос был одновременно и слишком простым, и самым правильным:

— В разделе, который не все видят. Идите к третьему стеллажу от входа, поверните налево, пройдите мимо статуи совы, а потом посмотрите не на полки, а на тень от неё. Там будет дверь. Маленькая. Почти незаметная. За ней — комната, где лежат книги, которые сами выбирают, кого читать.

Он спрыгнул с подоконника, мягко приземлился на лапы и, не оборачиваясь, пошёл вперёд, будто показывая путь.

— И не тяните, — бросил он через плечо. — Время здесь

и правда течёт иначе.

Яна и Кира переглянулись. В этом взгляде было всё: и волнение, и азарт, и тихое «мы справимся».

И они пошли за котом.

Мурлыка провёл девушек до нужной комнаты и, не оборачиваясь, растворился в тенях — будто сам воздух послушно расступился перед ним и сомкнулся за его хвостом.

Яна и Кира переступили порог — и замерли.

Комната и правда была почти пустой. В буквальном смысле. Пара голых полок, будто кто-то давно вынес отсюда всё самое ценное. Старое кресло — потёртое, с чуть провисшей обивкой, но такое уютное, что к нему хотелось подойти и просто посидеть, согреться. И лампы: они зажглись сами, как только девушки вошли, тёплый жёлтый свет лёг на пол неровными кругами, будто отмечая: «вы на месте».

— Вот тебе и нате, — почти присвистнула Кира и покрутила головой, будто проверяя, не прячется ли кто-нибудь за пустыми стеллажами. — Похоже, тут кто-то побывал до нас. Или всё вынесли на профилактику. Или… это очередной тест.

— Думаю, второе, — тихо сказала Яна, медленно обходя комнату, прислушиваясь не к звукам, а к тому, как здесь ощущается воздух. Он был гуще, чем в остальной библиотеке, будто хранил в себе чужие шёпоты и старые секреты. — Помнишь, Мурлыка говорил: книги выбирают, кто их читает. Может, они не лежат на полках. Может, они… появляют-

ся только для тех, кто готов их увидеть.

Кира плюхнулась в кресло, перекинув ноги через подлокотник, и покачалась на нём, проверяя, выдержит ли.

— Ну, хоть тут удобно, — хмыкнула она. — А то я уже думала, придётся стоять и медитировать в ожидании откровения.

Яна улыбнулась, но тут же снова стала серьёзной. Она вспомнила ещё одну фразу, которую Мурлыка обронил почти мимоходом:

— Там, кажется, что-то ещё было про время, — вдруг сказала она, глядя на лампы, свет которых будто не менялся, не мерцал, а держался ровно, как будто время здесь текло по-другому. — Он сказал: «Время здесь и правда течёт иначе».

Кира перестала качаться и замерла, глядя на Яну:

— То есть ты думаешь, что… время тут как-то связано с тем, появятся книги или нет?

Яна пожала плечами, но в её голосе появилась уверенность:

— Не знаю. Но мне кажется, мы не должны спешить. Если книги выбирают читателя, может, они выбирают того, кто умеет ждать.

Она подошла к одной из пустых полок и встала напротив, будто ждала, что сейчас из воздуха проступят корешки. Ничего не происходило. Тишина лежала в комнате тяжёлым, но не враждебным покрывалом.

Кира вздохнула, сползла с подлокотника и села нормаль-

но, сложив руки на коленях.

— Ладно. Если надо ждать — будем ждать. Но если через пять минут тут не появится хотя бы одна книга, я начинаю подозревать, что это просто комната для отдыха уставших ведьм.

Яна не ответила. Вместо этого она закрыла глаза на секунду, сделала глубокий вдох и постаралась отпустить всё, что крутилось в голове: страх ошибиться, желание всё сделать идеально, тревогу за то, что они не справятся. Она подумала о кристалле — не о том, как его найти, а о том, зачем он нужен. О том, что где-то может быть человек, который ждёт помощи, и этот кристалл — единственный способ его найти.

И в тот момент, когда она подумала об этом, воздух в комнате чуть дрогнул, как от лёгкого сквозняка, хотя окна были закрыты.

На полке напротив медленно, будто проявляясь из тумана, начал проступать корешок. Потом ещё один. Ещё. Книги появлялись не все сразу, а по одной, будто осторожно проверяли: «Ты точно готова?»

Первая книга была тонкой, в тёмно-синем переплёте, и на обложке не было названия — только витой узор, похожий на след от капли, застывшей в полёте. Вторая — толстый том с кожаным корешком, на котором поблёскивали золотые буквы, но стоило Яне попытаться прочитать их, как они расплывались, словно написанные на воде. Третья — совсем маленькая, почти карманная, с потрёпанными уголками, будто

её много раз доставали и прятали обратно.

Кира тихо присвистнула:

— Ну ничего себе. То есть… они и правда выбирают. И выбрали нас. Или… тебя.

Яна протянула руку, но не схватила первую попавшуюся. Вместо этого она посмотрела на них, как смотрят на незнакомых, но важных людей, пытаясь понять, кто из них сейчас нужнее.

Тонкая книга в синем переплёте будто чуть качнулась, словно подталкивая: «возьми меня». Яна осторожно коснулась её, и в тот же миг на обложке проступили буквы: «Кристаллы отслеживания: основы и тонкости».

Она открыла книгу на середине — и страница сама развернулась, будто знала, что именно нужно увидеть. Там была карта. Не обычная, а схематичная, нарисованная тонкими линиями, с пометками на полях, сделанными разными почерками. В центре — знак, похожий на спираль с точкой посередине: кристалл. От него шли линии к разным местам академии и за её пределы. Но карта была неполной: часть линий обрывалась, а некоторые участки были заштрихованы, будто кто-то специально скрыл их.

— Смотри, — прошептала Яна, поворачивая книгу к Кире.

Кира наклонилась, прищурилась, вчитываясь в мелкие пометки:

— Тут есть маршруты… и какие-то предупреждения. Вот

тут написано: «Не доверяй отражению в воде». А тут: «Тени говорят правду, когда солнце садится». Это что, загадки?

— Или подсказки, — тихо сказала Яна, проводя пальцем по линии, которая вела из академии в лес, а потом терялась в тёмном пятне. — Карта неполная. Кто-то вырвал страницы. Или спрятал часть информации.

В этот момент лампа на стене тихо щёлкнула, и свет в комнате стал чуть мягче, будто подбадривая: «вы на верном пути».

Кира выпрямилась, уже не расслабленная, а собранная, будто из неё ушла вся небрежность:

— Значит, так. У нас есть основа. Есть карта, пусть и неполная. Есть подсказки, пусть и странные. И есть мы.

Она посмотрела на Яну, и в её взгляде не было ни насмешки, ни страха — только готовность:

— Давай разбираться. Сначала — что тут написано про сам кристалл. Потом — куда ведут эти линии. А потом… потом мы найдём, где спрятаны недостающие кусочки.

Яна кивнула. Она открыла книгу на первой странице и начала читать вслух, медленно, вслушиваясь в каждое слово:

— «Кристалл отслеживания не реагирует на силу. Он отзывается на намерение. На искренность. На ту самую искру, которая заставляет ведьму идти вперёд, даже когда всё кажется невозможным…»

Где-то в глубине библиотеки снова щёлкнула лампа, будто подтверждая: да, это правда.

— А что если воспользоваться «Зеркалом ведьм»? — предложила Кира, покрутив найденную карту в руках. — Ведь в прошлый раз она перенесла нас в лес. Может, она может не только этот лес показать? Что если с её помощью мы сможем найти недостающую часть карты?

— Стоит попробовать, — сказала Яна.

Они не сразу нашли тот стол с нужной книгой. Пришлось пройти через несколько рядов, мимо статуй, мимо пустых столов, пока Кира не остановилась и не указала рукой:

— Вон она.

Книга лежала на том же месте, чуть приоткрытая, будто ждала. Кира осторожно взяла её, покрутила в руках. Страницы шелестнули, но ничего не произошло. Пусто.

— Странно, — пожала она плечами. — В прошлый раз она чуть не ослепила нас.

— Карту положите между двух первых страниц, — раздался знакомый голос. Из тени, не торопясь, вышла Рина. — И главное — не отпускать книгу из рук.

— Ты пойдёшь с нами? — спросила Яна.

— Кристалл, который вы ищете, может оказаться где угодно. Так что да. Я иду с вами.

— Сила трёх! — с энтузиазмом вскинула кулак над головой Кира.

Рина покосилась на неё, потом произнесла:

— Сила трёх, конечно, магическая вещь, но работает только у родственников.

Кира чуть сдулась, но тут же выпрямилась:

— Ну и ладно. Сила дружины, тогда.

Рина чуть усмехнулась, но ничего не сказала.

Карту положили, как говорила Рина. Книга вначале закрылась — тихо, будто сама решила, готова ли. А когда открылась — свет заполнил помещение, и они перенеслись.

Мир сменился не рывком, а как будто кто-то медленно повернул страницу. Под ногами — сухая, тёплая земля, пахнущая пылью и травами. Солнце садилось за горизонт, окрашивая небо в глубокие оттенки алого и фиолетового.

Дорога петляла вверх, к небольшой корчме на холме. Из распахнутых дверей доносилась музыка — тягучая, с низким ритмом, от которого по коже бежали мурашки. Слышался смех, звон посуды, чьи-то громкие голоса, а кое-что ещё — что-то, что Яна не сразу поняла, но от чего щёки стало жечь.

Они поднялись по каменистой тропе и остановились в десяти шагах от входа — не слишком близко, чтобы их сразу заметили, но достаточно близко, чтобы слышать и видеть.

Ветер дул от корчмы, и вместе с запахом жареного мяса и пряных трав приносил обрывки звуков, от которых Кира вдруг замерла с открытым ртом, а Яна почувствовала, как уши становятся горячими.

— Это… — начала Кира, но осеклась.

Сквозь щели в стенах, сквозь неплотно прикрытые ставни, сквозь зазоры между досками виднелись тени — не те, что от огня, а живые, сплетённые, движущиеся в ритме, ко-

торый не имел ничего общего с музыкой. Грубые тёплые тона заката ложились на сцену, будто художник решил, что это зрелище заслуживает красоты.

Тени сплетались и распутывались, выгибались, тянулись друг к другу, двигались медленно и жадно, как будто время здесь текло по-другому, как будто никто не торопился, потому что спешить было некуда. Несколько пар — или не пар, а больше — не разобрать сразу — сливались в едином движении, то замедляясь, то ускоряясь, и тени от их тел на стенах выглядели как живые скульптуры, будто кто-то вырезал их из тьмы и света.

Слышались вздохи и стоны — низкие, глубокие, будто от них дрожал сам воздух. Чей-то тихий стон, тут же утонувший в смехе. Шёпот — неразборчивый, но от которого становилось жарко, будто каждое слово было прикосновением. Кто-то произнёс имя — короткое, хриплое, и в ответ раздался звук, похожий на рычание, но мягкое, бархатное.

Из дверей несколько раз выбегали обнаженные девушки, с раскрасневшимися лицами и чуть сбившимися волосами. Они смеялись, хватали кувшины и корзины из соседнего сарая и возвращались обратно, и в их движениях было что-то неспешное, лениво-тёплое, будто они возвращались не за едой, а за тем, чтобы потом снова вернуться к тому, что прервали.

Кира смотрела во все глаза, прижавшись спиной к стене, будто пыталась слиться с камнем. Яна стояла рядом, чув-

ствуя, как сердце колотится где-то в горле, а лицо горит так, что, кажется, его можно увидеть в темноте. Рина стояла чуть позади, и на её лице не было ни смущения, ни удивления — только спокойное, внимательное выражение, будто она видела такое и раньше и давно перестала делать выводы.

— Ну и местечко, — прошептала Кира, и в её голосе было столько всего: и шок, и смущение, и плохо скрываемый интерес. — И кристалл, значит, тут. Прямо вот в этом… заведении.

Яна сглотнула, стараясь не смотреть на щели, но взгляд сам собой возвращался, будто притягиваемый магнитом. Тени на стенах двигались медленно, плавно, и в этом было что-то завораживающее — не грязное, не пошлое, а странно красивое, будто кто-то решил, что плоть и свет — это одно и то же, и доказывал это движением.

— Мы не войдём через главный вход, — тихо произнесла Рина, и её голос прозвучал так спокойно, будто она обсуждала погоду. — Не потому что там происходит то, что происходит. А потому что нас заметят раньше, чем мы шагнём внутрь. А в таких местах лишнее внимание — это лишние проблемы.

Кира кивнула так быстро, что казалось, голова вот-вот оторвётся:

— Да. Точно. Абсолютно. Совершенно согласна. Не войдём. Может, вообще уйдём и вернёмся утром?

— Утром тут будет то же самое, — ровно сказала Рина.

— Может, даже больше. Такие места не спят.

Яна наконец отвернулась от стены, чувствуя, как кровь стучит в висках. Она сделала глубокий вдох, пытаясь собраться, и произнесла, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо:

— Значит, нужен другой вход. Или… другой способ.

Рина чуть кивнула:

— Вот это — правильный вопрос.

— А нету ли какого-нибудь зелья, чтобы стать невидимкой и проскользнуть за кристаллом? — поинтересовалась Кира, будто эта мысль только что вынырнула из самой глубины её отчаяния и теперь казалась единственным спасением.

Яна тут же встрепенулась, в глазах вспыхнул огонёк надежды:

— А это хорошая идея! — Она посмотрела на Рину с таким видом, будто та могла прямо сейчас вытащить из кармана маленький пузырёк с прозрачной жидкостью и сказать: «Держи, я как раз прихватила».

— Если бы всё было так просто, — спокойно ответила Рина, и в её голосе не было ни насмешки, ни раздражения — только сухая, выверенная правда. — Ингредиенты на такое зелье пользовались бы бешеным спросом. Да и сварить его за пять минут не выйдет. Даже мне.

Кира вздохнула, будто из неё разом выпустили весь воздух:

— Тогда выход только один… надо туда войти и найти кристалл.

— И как ты собираешься это сделать? — негромко спросила Яна, оглядываясь на дверь, из-за которой доносились те самые стоны, от которых становилось не по себе. — Ты же видела, что там происходит. Они как будто под чем-то… не соображают, а только и… — она запнулась, не договорив, но и так было понятно.

Рина чуть нахмурилась, будто мысленно просчитывала варианты, и покачала головой:

— Если вы пойдёте туда вдвоём, то вас обеих… ну, вы поняли. Внимание привлечёте мгновенно. В таких местах замечают каждую лишнюю тень.

Кира нервно дёрнула плечом:

— Тогда должна идти я. Я должна присматривать за тобой, значит, мне и идти.

— Не спеши, пойду я, — твёрдо сказала Яна, делая шаг вперёд, будто этим движением хотела заслонить подругу.

Кира открыла рот, чтобы возразить, но Яна уже покачала головой — тихо, но так, что спорить не хотелось:

— У нас нет времени на споры. Но и бросаться туда сломя голову — тоже не вариант.

Она наклонилась, подняла с земли две тонкие веточки — одну чуть длиннее, другую покороче. Сжала их в кулаке, чтобы не было видно, где какая, и протянула Кире:

— Тянем жребий. Чья окажется короче — та и пойдёт.

Кира на секунду замерла, потом медленно вытянула одну веточку. Яна смотрела на неё, не моргая, будто от этого за-

висело всё.

Веточка оказалась длинной.

Кира подняла глаза, будто хотела что-то сказать, но не нашла слов.

— Ну что же, значит, идти мне, — тихо, но твёрдо произнесла Яна. Она сняла куртку, а затем всё остальное, аккуратно сложила вещи и протянула Кире. — Присмотрите тут за моей одеждой.

Кира взяла вещи, прижала к себе, будто это был не куски ткани, а что-то, что могло удержать Яну здесь, снаружи, в безопасности.

— Ты уверена? — прошептала она.

Яна не стала кивать или улыбаться, чтобы казаться храбрее. Просто посмотрела на дверь, потом на подруг:

— Нет. Но выбора у нас нет.

Рина шагнула ближе, не касаясь, но так, чтобы Яна чувствовала её рядом:

— Держи направление. Не смотри по сторонам. Не реагируй на лишнее. Твоя цель — поднос в центре, ткань, мерцание. Если увидишь кристалл — не тянись к нему сразу. Сначала оцени, кто рядом. И помни: в таких местах магия питается эмоциями. Чем сильнее ты боишься или стыдишься, тем ярче ты для неё светишься.

Яна глубоко вдохнула, будто набираясь не воздуха, а решимости.

— Я помню, — сказала она и сделала первый шаг к двери

прикрываясь руками.

Кира сжала её вещи так, что побелели костяшки пальцев.

— Только быстро, ладно? — почти шёпотом попросила она. — Зашла, увидела, нашла, вышла.

Яна чуть улыбнулась — не весело, а так, будто хотела сказать: «Я вернусь».

И шагнула через порог.

Внутри оказалось ещё шумнее, чем снаружи. Свет от очага и масляных ламп ложился пятнами, то высвечивая чьи-то лица, то пряча их в густой полутьме. Тени плясали на стенах, будто жили своей жизнью.

Люди — мужчины и женщины — сидели, лежали, где-то по двое, где-то по трое. Все обнаженные. Разного тело сложения. Кто-то смеялся слишком громко, кто-то шептал, склонившись к чужому уху, и от этих шёпотов по спине бежали мурашки.

Яна старалась не смотреть ни на кого прямо, но краем глаза всё равно замечала детали: небрежно сброшенную ткань, чью-то руку, скользнувшую по чужому телу, взгляд, тяжёлый и жадный, будто он мог съесть того, на кого был направлен. Женщины извивались под мужчинами и сидя верхом на них. Их стоны наполняли комнату.

В центре, как и говорили, стоял грубо сколоченный стол. На нём — большой медный поднос, а на нём — несколько предметов, прикрытых тканью. И под этой тканью что-то едва заметно мерцало, будто само пространство там дышало

по-другому.

Кристалл был здесь.

Яна сделала ещё один шаг, стараясь держаться ближе к стене, сливаться с тенями, не привлекать внимания. Кто-то рядом громко рассмеялся, и она вздрогнула, но тут же заставила себя идти дальше.

«Не смотри. Не останавливайся. Только цель», — повторяла она про себя, как заклинание.

Но стоило ей подойти ближе, как воздух будто стал гуще, тяжелее. И в этот момент из полумрака у подноса выступила фигура — не человек, а что-то другое: высокая, с длинными пальцами и глазами, которые, казалось, видели не только её тело, но и все её страхи.

Существо склонило голову, будто изучало её, и тихо, почти ласково, произнесло:

— Ты пришла за чем-то. Но здесь дают не просто так. Здесь берут цену. Какую цену ты готова заплатить?

Яна остановилась. Сердце колотилось где-то в горле, но она заставила себя посмотреть прямо в эти странные глаза:

— Мне нужен кристалл. Не для себя. Для того, кто ждёт помощи.

Существо чуть наклонило голову, будто взвешивало её слова:

— Слова лёгкие. А цена — тяжёлая. — этот годос звучал как шипение. — Ты уверена?

Яна сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладо-

ни, она всё ещё смущалась прикрывая свою наготу, но кивнула:

— Уверена.

Существо ещё немного склонило голову, будто прислушивалось не к словам, а к тому, как они звучат внутри неё. Его голос, похожий на шипение, стал тише — но от этого не менее пугающим:

— Цена не в золоте и не в клятвах, — прошептало оно, и воздух рядом с ним будто сгустился, стал вязким. — Цена — в том, чтобы показать, ради чего ты готова терпеть. Не кричать. Не отводить глаз. Не прятаться.

Яна крепче прижала руки к себе, пальцы побелели от напряжения, но она не отступила ни на шаг. В голове стучало: «Не для себя. Не для себя. Для того, кто ждёт». Она глубоко вдохнула, стараясь выровнять дыхание, и тихо, но чётко произнесла:

— Я готова.

Существо медленно протянуло длинную, тонкую руку и указало на дальний угол зала, туда, где полумрак был особенно густым, почти чёрным.

— Смотри туда, — прошипело оно. — И не моргай. Пока не увидишь то, что скрыто.

Яна сжала кулаки, ногти снова впились в ладони, и она перевела взгляд туда, куда велели. Сначала она ничего не видела — только шевелящиеся тени, обрывки движений, приглушённые голоса. Но постепенно, будто глаза привыкали к

этому странному свету, она начала различать детали.

В углу, почти скрытый за тяжёлой драпировкой, стоял небольшой постамент. На нём лежал ещё один предмет — не кристалл, а что-то похожее на тёмный медальон с выцветшим узором. Рядом с постаментом, не двигаясь, стояла обнаженная женщина в длинном плаще с капюшоном. Её лицо было скрыто, но Яна чувствовала на себе её взгляд — тяжёлый, изучающий, будто он проникал под кожу.

— Это не кристалл, — прошептала Яна, почти не разжимая губ.

— Нет, — снова прошипело существо. — Но это — ключ. Чтобы подойти к подносу и взять кристалл, тебе нужно сначала пройти мимо постамента. Не смотреть на него. Не останавливаться. И не поддаваться тому, что он будет тебе шептать.

Яна снова сглотнула.

— Что он будет шептать?

Существо чуть приподняло уголки губ — если это вообще можно было назвать улыбкой:

— То, чего ты боишься больше всего. То, что ты прячешь даже от себя.

Оно сделало шаг в сторону, освобождая путь.

— Иди. И помни: чем громче ты будешь пытаться заглушить эти слова, тем отчётливее они станут. Единственный способ пройти — принять, что ты их слышишь. Но не позволить им остановить тебя.

Яна посмотрела на постамент, потом снова на существо. Её руки дрожали, но она опустила их чуть ниже, не потому что перестала стесняться, а потому что поняла: если она будет прятаться, она станет заметнее. Она должна идти так, будто имеет право здесь быть.

Она сделала первый шаг. Потом второй. Каждый звук в зале — смех, шёпот, стоны — теперь казался направленным прямо на неё, как будто все в комнате знали, что она идёт, и ждали, когда она сломается.

Когда она поравнялась с постаментом, воздух стал ледяным. Из темноты рядом с медальоном раздался голос — не громкий, а такой, будто он звучал прямо в её голове:

«Ты недостаточно сильная. Ты всё испортишь. Они ждут от тебя чуда, а ты даже не можешь пройти по комнате, не покраснев».

Яна вздрогнула, но не остановилась. Она смотрела прямо перед собой, на медный поднос в центре, на мерцание под тканью.

«Они разочаруются в тебе. Кира притворяется, что верит, но на самом деле она думает, что ты всё провалишь. Рина просто терпит, потому что обязана».

Слеза покатилась по щеке, но Яна не смахнула её. Она шла.

«Ты не сможешь его взять. Ты не заслуживаешь».

Она подошла к подносу. Существо стояло рядом, наблюдая.

— Ты дошла, — прошипело оно, и в этом голосе было не одобрение, а удивление. — Теперь возьми.

Яна протянула руку к ткани. Пальцы дрожали, но она накрыла край ткани и потянула.

Под ней лежал кристалл — не большой, не сверкающий, а будто впитавший в себя весь полумрак комнаты. Он не светился, но от него шло ощущение тепла и движения, как от живого существа.

Она взяла его. И в тот же миг шум в зале начал стихать. Тени перестали метаться. Люди, которые только что двигались в лихорадочном ритме, замерли, будто кто-то остановил невидимую пружину.

Существо наклонилось к ней так близко, что Яна почувствовала его холодное дыхание:

— Помни: цена была не в том, чтобы пройти. Цена была в том, чтобы услышать и всё равно сделать.

А потом зал будто рассыпался на искры, и Яна снова оказалась снаружи — на каменистой тропе, под закатным небом. Кира и Рина стояли рядом, и Кира всё ещё прижимала к себе её вещи.

— Яна! — выдохнула Кира и тут же, смущённо, протянула ей вещи. — Вот, держи…

Яна стала одеваться, чувствуя, как ткань греет кожу, и посмотрела на кристалл в своей ладони. Он тихо пульсировал, как маленькое сердце.

Рина кивнула, будто знала, что так и будет:

— Мы его достали. Теперь нужно понять, как им воспользоваться.

Яна одевалась, и ткань, ещё тёплая от рук Киры, будто обняла её сама. Она потянулась к пуговицам, пальцы всё ещё подрагивали, но уже не от страха — скорее от того, как резко тишина снаружи накрыла её после гула корчмы.

И тут из кармана куртки что-то тихо, глухо и выпало на каменистую тропу.

Яна замерла.

Кира наклонилась, подняла вещь и несколько секунд смотрела на неё, не моргая. Это была та самая веточка — длинная. Та, которую Яна незаметно подменила, чтобы жребий «случился» именно так, как нужно.

— Ты… — прошептала Кира, и в этом слове было всё: и обида, и злость, и бесконечная благодарность, которую она пока не умела назвать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.